

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ИСКАТЕЛИ ВЕТРА

Ветер и искры

Ветер и искры

Алексей Пехов

Искатели ветра

«Автор»

«Автор»

2005

Пехов А. Ю.

Искатели ветра / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
2005 — (Ветер и искры)

ISBN 978-5-9922-0104-8

Мир Хары утратил самое ценное – знание. Все, что тысячелетие назад было обыденным и привычным, теперь кажется сказкой. За жалкие крупички великого искусства прошлого маги ведут кровопролитные войны. Самая страшная и беспощадная война вот уже пять веков длится между теми, кто правит миром, – Ходящими и Проклятыми. Тьма и свет, некромантия и целительство сплелись в смертельный тугой клубок, уничтожающий всех, кто посмеет к нему прикоснуться. Нэсс и Лаэн бросают вызов носителям Дара, чтобы спасти свою жизнь.

ISBN 978-5-9922-0104-8

© Пехов А. Ю., 2005

© Автор, 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	52
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алексей Пехов

Искатели ветра

Кто ищет ветер – найдет бурю.

Пролог

В эту ночь Луку не повезло. Пришлось заступать в чужую смену, да еще и толком не выпавшись. Ежась от утренней прохлады, стражник постукивал ногами и грел в рукавах озябшие пальцы. Каждую уну¹ его мысли возвращались к грандиозной пьянке, которую должны были устроить в пятой казарме в честь праздника Имени. Основная часть гарнизона намеревалась начать с утра пораньше, а он тут ерундой занимается!

– Лопни твоя жаба, – пробормотал солдат и шмыгнул покрасневшим носом.

Если комендант боится несуществующих врагов, почему не приказал закрыть ворота? Последние годы огромные сорокаярдовые створки стоят нараспашку даже ночью, и ни одна крыса так и не осмелилась через них проскользнуть. Для чего усиливать караулы, если гораздо проще опустить решетку.

Проклятый тупой капитан! Проклятый сержант! Проклятая судьба, лопни твоя жаба!

Бормоча под нос ругательства, Лук направился по стене от башни Льда к башне Огня. По пути кивнул приятелям, пьющим горячий шаф², услышал очередную шуточку в свой адрес, вяло отбилась и поскорее пошел прочь, пока ему не напомнили о долге. Отдавать деньги Лук не слишком любил.

Врата Шести Башен – величайшая крепость мира, созданная самим Скульптором, перекрывала единственный перевал через западную часть Самшитовых гор. Легендарная цитадель за свою тысячелетнюю историю выдержала не один штурм, но ни разу не была взята. Армия Набатора сломала о серые камни зубы и потеряла много воинов. Чтобы заставить крепость сдаться, потребуется нечто более прочное, чем сталь и храбрость.

Пока существуют Врата – мягкое «подбрюшье» Империи надежно защищено.

Лук увидел, как из башни Дождя на стену вышли две женщины. Ходящая и Огонек. Маги о чем-то беседовали, и стражник, не решаясь прервать их разговор, остановился. Отвернулся к бойнице, разглядывая окрестности.

Он родился в небольшой степной деревушке и даже теперь, через шесть лет после того, как увидел заснеженные пики, не уставал поражаться красоте горных вершин. Врата, построенные между двух хребтов, перекрывали въезд в долину, откуда начиналась дорога в глубь страны.

В былые годы на юг шло множество караванов. Оружие, шелка, ковры, пряности, лошадей и сотни других товаров провозили через Врата из далеких земель. Но золотые времена миновали, дорога опустела. Лишь местные пастухи да разведчики, которых комендант то и дело рассылал по соседним ущельям, осмеливались ходить по старому тракту и лезть в него-степриимные горы.

Хотя с разведкой в последнее время творилось что-то странное. Уже второй отряд северян задерживался. А ведь по всем срокам давно должен был вернуться. Командор бесился, срывал зло на капитанах, а те соответственно на сержантах и простых солдатах.

¹ В сутках – 24 нара. В наре – 60 минок. В минке – 60 ун. – *Здесь и далее примеч. авт.*

² **Горячий шаф** – слабый алкогольный напиток со специями, настоянный на хмеле и различных травах (чабрец, ромашка, зверобой, липа). **Холодный шаф** – бодрящий напиток без алкоголя, изготавливается преимущественно из мяты и ромашки.

Стражник, в отличие от офицеров, втайне радовался, что десяток, в котором служит рыжий Га-нор, все еще гуляет по окрестностям. Лук должен северянину деньги. А с монетами у него не очень. В последний раз слишком много продул в кости. Почти все месячное жалование ушло на раздачу долгов, лопни твоя жаба! Сейчас в кошельке остался один сол³ – это не те деньги, которые согласится принять Га-нор, а отдавать придется, северяне народ прямой, коли что не так – сразу в зубы.

Солдат высунулся в бойницу, смачно плюнул. С надеждой проследил за плевком, мечтая попасть в какого-нибудь зазевавшегося олуха, но под стеной, к вящему разочарованию Лука, никого не наблюдалось. Он в сотый раз за утро выругался и вернулся к созерцанию окрестностей.

Перед Вратами раскинулся небольшой городок. Низенькие домики были сложены из круглых камней и глины, взятой с берегов ближайшей горной реки. В поселении жили семьи пастухов, торговцев шерстью и искателей серебра. Людей нисколько не пугало, что они живут на самой границе. Крепость неприступна, солдаты опытные. Сюда никакие горные племена не сунутся. Они уже не раз получали по носу и знают, что Врата не взять. Быстрее прогрызть под горами проход, чем обрушить могучие стены неприступной цитадели.

В воздухе, несмотря на раннее лето, пахло легким морозцем. Солнечные лучи окрасили розовым снежные пики кутающихся в дымку гор. Светило медленно поднималось из-за восточных кражей. Еще минка, и снег на вершинах засиял столь ярко, что Лук зажмурился и вновь помянул жабу.

Когда стражник открыл глаза, он увидел, что на пустой утренней дороге показались два тощих мула, тянущих старенький фургон. С такой высоты тот был не больше ладони, но Лук никогда не жаловался на плохое зрение и прекрасно разглядел, что на козлах сидит женщина.

Одета едва ли не в лохмотья. С виду – настоящее чучело. Воин недоуменно нахмурился. Кто-то из поселенцев вздумал направиться в Ельничий брод? До него пятнадцать лиг. Везти шерсть на ярмарку, устроенную в честь праздника Имени, глупо. Для успешной торговли следовало выезжать наров на шесть раньше. Теперь же только зря животин гонять. Если и поспеешь, то к самому закрытию торговли.

Станный фургон. Незнакомый. И баба эта... Точно нищенка...

Лук, нахмурившись, попытался вспомнить, у кого в городке два столь исхудалых мула и повозка с синим верхом в придачу? Перебор знакомых имен и прозвищ ничего не дал. Если стражника не подводила память – такой рухляди он ни у кого не видел. За время службы ему не раз довелось стоять у Створок, и всех, кто отправлялся по делам в Ельничий брод, солдат хорошо знал.

Тут одно из двух. Во-первых, мало ли кто проехал в городок, пока была не его смена? Во-вторых, незнакомый фургон мог притащиться из-за перевала. А следовательно, из самого Набатора.

Станной повозке оставалось проехать до Врат ярдов двести, когда Лук окликнул болтавшего с двумя другими стражниками приятеля:

– Эй, Рек!

– Чего тебе?! – недовольно откликнулся тот.

– Глянь.

Рек недовольно заворчал, но все же повернулся в указанном направлении. Несколько ун он с безразличием смотрел на дорогу, а затем перевел взгляд на Лука:

– И что?

– Знаешь такую?

– Нет.

³ Сол – мелкая серебряная монета.

– Вот и я нет. Уж не с перевала ли?

Услышав про перевал, остальные солдаты высунулись в бойницы.

– Капитану бы сообщить... – неуверенно протянул Рек.

– Вот сам и сообщай, – пробормотал Лук. Но потом все же порекомендовал:

– Крикни вниз, чтобы проверили, чего там и как.

Рек отвернулся от бойницы, приложив руки ко рту, зычным голосом рявкнул стоявшим во внешнем крепостном дворе стражникам. В этот самый момент из казармы появился капитан с двадцатью несчастными, обреченными заступать на службу в праздник.

Между тем двое стражников вышли за стену и не спеша направились к фургону. Еще с десяток, в основном любопытствующие, встали у Створок. Женщина натянула поводья и что-то ответила на вопрос солдата. Лук бы дорого дал за то, чтобы слышать, что именно. Через мгновение он увидел, как из фургона выскочили восемь человек. Шестеро оказались облачены в доспехи и прилично вооружены. От вида еще двоих кровь застыла в его жилах, а в животе неприятно закололо. Они носили белые балахоны!

Некроманты Сдиса!

Стражник хотел крикнуть, привлечь внимание Ходящей, но от страха у него пропал голос. Вытаращив глаза, он смотрел на то, как воины в цветах набаторского королевства убивают опешивших солдат и бегут к цитадели.

Внизу завязался бой.

Что-то треснуло, взвыло, зашипело, и капитана вместе с его людьми кровавыми ошметками разметало по крепостному двору. Посох одного из сдисских колдунов излучал серое сияние.

Вновь гроыхнуло, на этот раз не в пример громче прежнего, и от некроманта и ближайшего к нему набаторца осталось мокрое место. Ходящая призвала Дар, а Огонек стояла рядом, прижимая ладони к спине Госпожи.

– Врата! Закройте Врата, лопни твоя жаба! – взревел опомнившийся Лук.

Он увидел, что со стороны городка к крепости во весь опор скачут несколько сотен всадников. Рядом с набаторцами, не отставая от лошадей ни на шаг, бежали худые, похожие на черных скелетов создания.

Морты!

Рек оказался у огромного рога и, набрав в легкие воздуха, дунул. Низкий рев разнесся над башнями, возвещая о тревоге и поднимая гарнизон на ноги. Отовсюду бежали ничего не понимающие люди. Многие были без оружия.

Створки ворот, наконец, дрогнули и начали медленно закрываться.

Слишком медленно.

Под стеной кипел бой. Шестерка набаторских воинов при поддержке уцелевшего колдуна могла продержаться до прихода основных сил. Загрохотала опускаемая решетка, затем еще одна. Тут же взревело, и по крепостному двору разнесся предупреждающий крик, что «колдун сжег решетки».

Если Ходящая в ближайшие уны ничего не сделает – дела плохи.

Словно отвечая на мольбу Лука, воздух замерцал, сгустился над Госпожой и Огоньком, превращаясь в гигантское многогранное ледяное копьё. Оно развернулось, нацелилось на сдисца... В это время сидевшая на козлах фургона женщина отвлеклась от созерцания схватки и вскинула руку.

Грохнуло!

Луку на мгновение показалось, что он умер и оказался под барабаном бога северян – Уга. В ушах звенело, вокруг висела плотная завеса пыли. Стражник с удивлением понял, что упал.

Он ошеломленно потряс головой, встал на четвереньки. В ушах шумело, по лицу, кажется, текла кровь. Сплевывая попавший в рот песок и отчаянно кашляя, он с трудом встал на ноги и бросился туда, где стояла Ходящая.

Гигантские камни, сложенные в стену великим Скульптором, оказались вырваны и разбросаны на сотни ярдов. Одна из глыб упала на казарму второй роты, превратив ее в руины. Другая, пущенная точно из катапульты, – разбила фасад башни Дождя. Третья рухнула на дорогу, раздавив в лепешку пяток набаторцев вместе с лошадьми и троих зазевавшихся муртов.

Участок стены, по которому пришелся удар магии, оказался сильно поврежден. Словно великан молотом ударил. Но Ходящая была жива. Позабыв недавнюю робость перед владеющей Даром, Лук бросился к женщине. И содрогнулся. Таких ран он не видел за всю службу и теперь старался смотреть только на уцелевшее лицо. Лишь сейчас он понял, что ей не больше девятнадцати лет и у нее небесно-голубые глаза.

Она улыбнулась и сказала очень тихо, но удивительно внятно:

– Передай сестрам, Корь вернулась.

Проклятая!

– Вы уверены, Госпожа? – пролепетал задохнувшийся от ужаса Лук.

Ходящая не ответила. Глаза ее погасли, и стражнику отчего-то ужасно захотелось плакать.

Черда магических ударов обрушилась на Врата. Они уцелели, но перестали закрываться. Передовой отряд набаторцев продержался ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы всадники и мурты влетели во двор.

Началось избиение. То и дело серым полыхал посох сдисца.

Проклятая все так же сидела на козлах фургона и со скукой наблюдала, как бесконечная сине-черная лента втягивается в павшую цитадель...

Глава 1

День выдался жарким, и коровы, лениво пережевывая жвачку, прятались от полуденного зноя в тени бредняка⁴. Замученный оводами годовалый теленок по пузо залез в реку и то и дело окунался, сгоняя с себя злющих насекомых. Пегая мамаша протяжным мычанием пыталась выгнать сына из воды, но тот был слишком занят и не обращал на призывы никакого внимания...

Порк огорченно вздохнул и отложил самодельную дудочку в сторону. Какая тут может быть музыка, когда вокруг такой шум? Проклятушая корова не унималась. Надо бы выгнать теленка из реки, да лень. И без толку это. Опять забредет.

День казался бесконечно долгим. Кувшин молока опустел наполовину, хлеб остался нетронутым. Есть не хотелось. Работать, впрочем, тоже. Пока деревенская ребятня ловила форель и играла в рыцарей, ему приходилось присматривать за буренками. Впрочем, брать в свои игры великовозрастного деревенского дурачка дети не хотели. Порк соответственно ужасно обижался, не понимая, почему все над ним смеются и крутят пальцем у виска.

Зевнув, он уже собрался поспать, благо тень от кустов, где он разлегся, еще не скоро уползет в сторону, но тут заметил, что вдалеке, на дороге, появилось четверо всадников. Не торопясь, они перебрались через реку по крепкому, срубленному крестьянскими руками деревянному мосту и, добравшись до Лысого камня⁵, направились в сторону деревни.

Выпятив нижнюю губу так, что слюни потекли на рубаху, Порк с интересом смотрел на незнакомцев.

Желающих заглянуть в Песью Травку всегда было немного. Деревня находилась в нескольких лигах от отрогов Самшитовых гор, среди дремучего Лесного края. Сюда редко кто приезжал.

Всадники совершенно не походили на сборщиков податей Наместника. У тех – красивые черно-белые мундиры, которые Порк очень мечтал примерить, а у этих – простые кожаные куртки да льняные рубахи.

– И герольда с трубачами нет, – забормотал дурачок под нос. – Не-е-е, воины Наместника куда лучше. Правда, у этих мечи тоже есть. Острые. Гораздо острее отцовского ножа, которым Порк порезался до крови. Больно было, ух! А у одного даже арбалет. Наверное, настоящий. Из такого стрельнешь – дырка будет. Был бы у Порка арбалет, больше бы никто над ним не смеялся. У Гнута есть лук, и над ним не смеются. Не-е-е!.. Его девушки любят. Да. И лошади у этих дядек лучше деревенских. Такие враз растопчут, мокрого места не останется. Рыцарские кони. Когда Порк уйдет из деревни, тоже рыцарем станет. Дев спасать будет. Но эти дядьки – не рыцари. Где тогда разноцветные гербы, плюмажи и доспехи? У каждого рыцаря должны быть! А тут нету. Если они и рыцари, то – неправильные. Да. А мож, это разбойники? Не, тоже не похожи... Даже пятилетняя мелкота, которую родители не отпускают в лес за грибами, знает, что разбойники так смело по дорогам не разъезжают – иначе солдаты Наместника повесят их на ближайшей осине. Да и таких рыцарских коней у разбойников нет. А еще все разбойники злые, трусливые, грязные и с ржавыми ножами в зубах! Эти не такие. К тому же что им делать в деревне? У местных отродясь ничего ценного не было. Разве что лихие людишки, как называл их отец, решат брякву у старой Розы спереть.

Порк представил, как шайка немых, заросших бородами, сжимающих в зубах тесаки мужиков, кряхтя, перелезает через плетень и, испуганно озираясь по сторонам, выкапывает из грядок злой бабки брякву. А та стоит на крыльце, потрясает клюкой и костерит недотеп на

⁴ Бредняк – кустистое растение, обычно встречающееся у берегов рек.

⁵ Лысый камень устанавливают на всех перекрестках. По поверьям, он не дает злу найти дорогу к домам людей.

чем свет стоит, призывая проклятия на их дурные головы. А может и клюкой кинуть, гадина. В Порка, когда он сломал ей однажды забор, кинула. Вот такенная шишка на голове была! Отец сказал, что Порк теперь точно поумнеет. Но ничего не случилось. Над ним, как и раньше, все смеялись, называли дураком и в игры свои не брали. Ну и не больно-то хотелось, если честно.

Один из всадников заметил пастуха, что-то сказал товарищам. Те съехали с дороги и через поле направились прямо к нему.

Поначалу Порк сильно струхнул. Хотел броситься наутек, но убежать – значит, оставить коров без присмотра. А ну, как разбредутся? Ищи их потом. Опять же, если корова в овраг забредет, обревешься, но не вытащишь. От отца крепко влетит. Не углядел – получи крапивой или хворостиной. Неделю на задницу не сядешь. Так что бежать – смысла нет. Да и до леса далеко. А эти вооруженные бугаи на лошадях. Догонят, тогда уж точно накостыляют. К тому же еще неизвестно, зачем они идут, а отец точно по голове не погладит. И, выбрав между явной и призрачной угрозой, Порк решил остаться на месте и посмотреть, что будет дальше.

Всадники приблизились, натянули поводья.

– Ты из деревни, приятель? – спросил самый пожилой из четверки. Худой, высокий, с острым лицом и глубоко посаженными умными глазами, мужчина смотрел на Порка без злобы. Приветливо и чуточку насмешливо.

Еще никто не называл Порка «приятелем». Пастуху понравилось, как это звучит.

– Ага, – кивнул осмелевший дурачок.

– Из Песьей Травки?

– Ага.

– Далеко до нее?

– Не. Не очень, дяденька. Вон за тем пригорком. Как на него заберетесь, так сразу и увидите.

– Добрались наконец, – с видимым облегчением выдохнул другой мужчина – с лицом, изъеденным оспой. – Хорошо же он заныкался, а, Кнут?

– Ты сомневался в словах Молса, Бамут? – усмехнулся тот, кто назвал Порка «приятелем».

Третий всадник – совсем молодой – ответил согласным ворчанием. Он Порку сразу не понравился. Хмурый и злой. Такой запросто по ушам надает. И смеяться будет.

– Трактир у вас есть?

– В таком-то захоlustье?! До гор не больше десяти лиг, какие трактиры?! – сверкнул голубыми глазами молодой.

– Есть у нас трактир, – обиделся пастух. – Прямиком у дороги, если через деревню ехать. Большой такой. С трубой красной. Там пироги вкусные. И шаф. Мне раз отец дал попробовать. А вы зачем к нам? А мечи у вас настоящие? Поддержать дадите? А лошади, они рудесской породы, да? Ваши? Как у рыцарей! А я тоже скоро рыцарем буду. Быстрые, наверное? Вы сами не рыцари, случаем?

– погоди, погоди! – весело рассмеялся худой. – Не все сразу. Экий ты торопливый, приятель. Давай вначале я спрошу. Коровы-то твои?

– Не. Я за ними гляжу. Ага.

– Нравится?

Пастух надулся и посмотрел на мужчину обиженно.

Издавается. А еще «приятелем» звал. Он думал, что они уже друзья.

Человек вновь рассмеялся. Трое других всадников хранили молчание и даже не улыбались. Казалось, их совершенно не интересует разговор.

– А дворов в деревне сколько?

– Много. – Порк показал пальцы на руках. – Шесть раз по столько.

– А ты грамотный. Считать умеешь, – с уважением сказал человек.

- Не, – шмыгнул носом дурачок. – Мне отец сказывал, что так. Сам я не считал.
- Скажи, приятель, новые люди у вас в деревне есть?
- Это вы про людей Наместника, что ль?
- Ну, хотя бы и про них.
- Они еще в начале весны приезжали. Красивые. Важные. И на конях. Теперь только к концу осени ждем. А других не было. Все свои. Только лесорубы приходят.
- Лесорубы? – заинтересовался человек с оспинами.
- Ага, – довольный тем, что может вести важную беседу, поспешно кивнул Порк. – У нас они лес рубят, а потом по реке ажно в Альсгару сплавляют. Из наших деревьев, знаете, какие корабли, говорят, делают? Ого-го! Всем кораблям корабли. Они плавают. Да.
- И что лесорубы?
- Да не знаю я, дяденька. Они к нам на лето приезжают. Живут в землянках, за Земляничным ручьем. Злые. Меня однажды побили и рубаху новую порвали. Потом еще и от отца попало, за рубаху-то. Да. А осенью обратно уходят. Не хотят зимовать. Говорят, дороги снегом заваливает. Не выберешься до конца весны.
- Говорю же – болото, – бросил молодой.
- Не. Тут у нас горы недалеко. А еще, говорят, Врата Шести Башен, тока я их не видел. А до болота идти надо через лес несколько дней. Там, знаете, какая топь? Пойдешь – утопишься.
- Вряд ли нашего друга следует искать среди лесорубов, – как бы между прочим бросил все это время молчавший, похожий на хорька коротышка.
- Вот и я так думаю. А скажи-ка мне, приятель. Ты всех в деревне знаешь?
- Порк подозрительно прищурился. Странные люди. Он им про злых лесорубов, а они опять про деревню. И про солдат Наместника спросили.
- Да ты не бойся, – с улыбкой успокоил его худой. – Мы нашего друга ищем. Ему лет как вот этому, – он ткнул в сторону человека переболевшего оспой. – Волосы светлые, глаза серые, улыбается редко и из лука стреляет лучше всех. Знаешь такого?
- Из лука лучше всех стреляет Гнут, но у него волосы черные, а одного глаза и вовсе нету.
- С ним еще женщина. Высокая и красивая. Волосы светлые, длинные, и глаза синие. Ну, так что? Есть в вашей деревне такие люди?
- Может, и есть, – неохотно ответил пастух. – Некогда мне вспоминать. Коров пасти надо. Отец ругаться будет.
- Надеюсь, вот это улучшит твою память. – Всадник бросил Порку монетку.
- Тот поймал ее, да так и остался с открытым ртом. Этот глупый дядька бросил ему целый сол! Теперь можно купить вкусных сладостей и съесть, пока никто не видит. Порк ни с кем делиться не будет. Пусть знают, как дураком обзывать! Пастух попробовал денежку на зуб и поспешно, чтобы не отобрали, спрятал к себе в котомку.
- Вы их здорово описали, да. И Парса и жену его – Анн. Я сразу узнал.
- Мужчины переглянулись.
- Где нам их искать?
- Да очень просто. Он на окраине, недалеко от кузницы живет. У него дом приметный – на воротах коняшки с крыльями выточены. Красивые. Я таких же хочу. Как проедете через всю деревню, так и увидите.
- Давно он у вас живет?
- Не помню. – Дурачок наморщил лоб, усиленно вспоминая. – Давно.
- Бывай, приятель, – сказал худой.
- Незнакомцы развернули лошадей. Когда они выбрались на дорогу, до них долетел крик Порка:
- Эй, дяденьки! Только Парс из лука стрелять не умеет. Он плотник!

– И надо тебе было с ним нянчиться, Кнут? – недовольно поинтересовался тот, кого Порк про себя прозвал «молодым». – Чего с дураком разговаривать? В деревне у любого встречного спросили бы.

– Ты меня еще учить будешь. Встречный – не придурок. За сол не купишь. Не знаешь ты деревенских. Упрутся рогом, если наши морды не понравятся, ничего не выведаешь.

– Пошекотать их ножичком.

– Ну, тогда уж дураком ты будешь, Шен, – усмехнулся Кнут. – Четверо против скольких? Это тебе не окрестности Альсары с забитым мужичьем. Местные при виде твоей железки наутек не бросятся и цацкаться с тобой не будут. Места тут дикие. Каждый за себя постоять может. Похватают топоры да дрыны, мало не покажется. Никакой ножичек не спасет.

– Ну, тогда мы сами могли бы все дома проверить. Где-нибудь да нашли бы его.

– У тебя все просто. Шестьдесят дворов! Сколько, по-твоему, нам понадобится времени, чтобы их объехать?

– Ну, нар. Может, два.

– Во-во. А если найдется добрая душа, которая побежит и предупредит его до нашего появления? А он решит, что с нами ему говорить не о чем. Тогда что? К Молсу ты сам пойдешь оправдываться?

Последний аргумент напрочь отбил у молодого желание спорить. Он недовольно поджал губы и умолк.

Между тем всадники взобрались на пригорок и увидели Песью Травку. Деревня располагалась по обоим берегам неширокой реки. Дурак обманул, дворов насчитывалось больше шестидесяти. Справа от дороги – небольшой погост, чуть дальше – вырубки. На том берегу – поля, на которые наступала угрюмая стена непроходимого леса. Деревня, затерянная на отшибе провинции, взята в кольцо лесов, невысоких холмов и множества оврагов.

Отряд Кнута добирался сюда от Альсары долго. Последние дни приходилось ночевать под открытым небом. На лиги вокруг – ни одной таверны. Про сносную еду, вино и баб вовсе забыли. Только комарье да мошка. Хоть вой. Слава Мелоту, что они не встретили в дебрях ни лесных духов, ни говов⁶. Держались дороги. Правда, если злые создания из чащобы не лезли, то звери – только так. Позавчера на них вышел откормленный медведь. Бамут схватился за арбалет, но пронесло. Отогнали бурого огнем, безо всякого кровопускания.

– Эта... А блаженный-то не сказал, на каком из берегов искать нашего плотника, – изрек изуродованный оспой Бамут.

– Найдем. Дела-то осталось всего ничего. Главное, добрались. – Кнут послал лошадь вперед.

Спутники, не мешкая, последовали за ним. Они проехали мимо погоста, у которого даже не было ограды. Миновали колодец, где две бабы ругались, кому первой набирать воду. И оказались в западной части деревни.

На них косились. Здесь редко видели чужаков, да еще и на лошадях. Но с вопросами не приставали.

Трактир всадники нашли быстро. Дом, и правда, оказался приметным. Большим, с красной трубой и разрисованными воротами. Хозяин, завидев постояльцев, чуть шафом не подавился. Выпучил глаза так, что Кнут начал опасаться, что трактирщика хватит удар.

Свободные комнаты конечно же были.

– Редко к нам гости заезжают, – пряча полученный от невысокого гостя сорен⁷, торопливо бормотал хозяин. – Пожалуйте, пожалуйста. Если кто и едет, так сразу к Ельничному броду. Мы на отшибе. Откушать желаете? Быстро все приготовим, ахнуть не успеете.

⁶ Гов – разновидность низших демонов.

⁷ Сорен – золотая монета.

– Как ты тут не разорился? Постояльцев-то, поди, мало?

– С середины весны никого не было. Только благодаря дровосекам да нашим живу. Шаф и вино приходят пить. Но это к вечеру. А сейчас у меня пусто. Стеснения ни в чем у вас не будет. Проходите, проходите. Слава Мелоту, пославшему вас к моему скромному очагу!

– Кузнец-то в вашей деревне есть? Лошадь хромает, – как бы между прочим поинтересовался Кнут.

– Конечно! Старый Морген. Прямо по дороге, господин хороший. Потом направо, через нашу площадь и до конца деревни. У самого леса. Не ошибетесь.

Шен и Бамут многозначительно переглянулись и вновь запрыгнули в седла. Кнут и невысокий, отзывавшийся на кличку Гнус, последовали их примеру.

– Подготовь комнаты и ужин, – бросил через плечо старший. – Мы скоро вернемся.

Трактирщик поспешил уверить добрых господ, что все будет в лучшем виде, и убежал исполнять поручение. Ему и в голову не пришло подумать о том, зачем к кузнецу отправились все четверо, когда лошадь захромала только у одного.

– По словам дурачка, это где-то недалеко от кузницы.

– Если он не наврал, – заметил Шен.

Кнут хмыкнул. Щенок мечтает, чтобы дурак их обманул. Это было бы отличным подтверждением того, что командир ошибся.

Не дождется.

Кнут не очень понимал, зачем Молсу понадобилось разбивать их испытанную троицу четвертым. Шен слишком молод для того, чтобы думать. Вначале делает и лишь после осознает последствия. Глупо. Так недолго и подохнуть.

– Если наврал, вернусь и утоплю в реке, – стараясь не показывать раздражения, ответил Кнут. – В любом месте всегда найдется дурак, готовый выдать ближнего своего.

Они медленно ехали по улице, внимательно посматривая по сторонам. Из-под забора с визгливым лаем вылетела грязная, лохматая псина. К лошадям подбежать не посмела, но поливала всадников бранью до тех пор, пока те не скрылись из виду.

– Кажется, нашли. – Гнус кивнул на ворота. – Вот «коняшки».

Действительно, на деревянных воротах были выточены тонконогие лошади с лебедиными крыльями. Дом, который они искали. Большой, светлый, сложенный из сосновых бревен.

– Вот видишь, Шен, – улыбнулся Кнут. – Хотя бы иногда следует доверять людям. В том числе и дуракам.

Молодой лишь скривил губы.

– Бамут, останься. Пригляди за лошадьми, – приказал командир отряда.

– Эта... А если он огородами дернет?

– Плохого же ты мнения о нашем друге.

– Люди со временем меняются. Эй! Эта! А ну-ка, оставь арбалет в покое!

Последние слова были обращены к Шену, потянувшемуся за притороченным к седлу оружием.

– С чего бы? – не понял тот.

– Делай, что велят, – поддержал товарища Кнут. – Мы приехали поговорить. Спокойно поговорить. Эта штука может все испортить.

– Да вы никак боитесь, ребята?!

– Не твоего ума дело, чего мы боимся, а чего нет, – влез в разговор Гнус. – Твоя забота помалкивать!

Коротышку Шен уже давно выводил из себя. Велика вероятность, что рано или поздно они крепко поцапаются, и после ссоры один уже никогда не встанет. Кнут ставил на Гнуса.

Опыта, замешенного на жестокости и коварстве, тому не занимать. Сколько душ за пазухой у маленького убийцы, знает только Молс.

– Заткнулись оба! – зарычал Кнут, видя, что молодой держит арбалет уже не так небрежно, как раньше. – Все разборки в городе, когда вернемся, если у вас появится такое глупое желание. А сейчас у нас общее дело. Не хватало, чтобы вы тут поножовщину устроили. Сразу говорю, если сцепитесь – вылетите из гильдии быстрее, чем Молс успеет подумать о ваших именах. Я ясно выражаюсь, тупицы?

– Ясно, командир. – Гнус убрал руку с ножа. – Погорячился.

– Все понятно, – покладисто согласился Шен, передавая арбалет Бамуту.

– Тогда давайте делать то, зачем приехали. Говорить буду я. Не дергайтесь. Шен, тебя это в первую очередь касается.

– Да понял я, понял! Что ты со мной как с маленьким?

– Потому что рубить капусту мечом это одно, а разговаривать с огородником – совершенно другое.

Сказав это, Кнут открыл калитку и вошел во двор, сразу увидев того, кого искал.

Раздетый по пояс человек колот дрова. Шен слышал о нем от своих приятелей, но представлял совсем другим. Здоровым, сильным, с большими ручищами и огромными кулаками. Тот, кого в Альсгаре знали как Серого, совсем не соответствовал образу, созданному воображением Шена. Мужчина не был здоровяком. И не казался гигантом, способным одним движением открутить голову быку-пятилетке. Ничего угрожающего. Худощавый и жилистый. Ни капли лишнего жира, но и бугров мышц не заметно.

Шен и раньше знал подобный тип людей. Силы им не занимать, вон какие жгуты жил на руках. Крепкий парень. И, наверное, выносливый, как сотня блазгов. Тяжеленный колун так и летает.

В этот момент человек прервал работу и увидел гостей. Прищурил серые глаза и небрежным движением поменял хват на колуне. Этот жест не укрылся от внимания вошедших. Шен напрягся и замедлил шаг, Гнус бросил быстрый взгляд по сторонам. Лишь Кнут остался спокоен. Он улыбался, только настороженные глаза говорили о том, что командир напряжен, точно взведенный арбалет. Не дойдя до хозяина дома пяти ярдов, посланник Молса остановился.

– Здравствуй, Серый.

Тот вызывающе помолчал, затем все же ответил:

– Здравствуй, Кнут.

– Как поживаешь?

Плотник нехорошо усмехнулся:

– Неплохо. До сегодняшнего дня.

Кнут предпочел не заметить усмешку хозяина:

– Хорошо обосновался. Глушь, лес, река, никакой городской суеты. И дом отличный.

– Не жалуюсь, – последовал сухой ответ. – Что тебя сюда привело?

– Дела конечно же. Мы можем поговорить?

– Странно... Я думал, именно этим мы сейчас и занимаемся.

– В дом не пригласишь?

– Там грязно, – последовал угрюмый ответ.

Кнут хмыкнул:

– Шесть лет прошло, а ты ничуть не изменился. Все так же не рад гостям.

– Семь, если быть точным. Привет, Гнус.

– Привет, Нэсс. Не думал, что когда-нибудь тебя увижу. Ловко ушел на дно.

Хозяин пожал плечами:

– Раз вы нашли, значит, не так хорошо, как хотелось. Следует полагать, что Бамут остался за воротами?

- Ты же его знаешь. Не любит парень ходить по гостям. Тебе привет от Молса.
- Старый добрый Молс... – протянул плотник. – От него сложно скрыться.

Хозяин дома сделал шаг вправо и вперед, обходя наколотые дрова, и Гнус как бы невзначай скопировал его движение, отшагнув назад. В отличие от Шена, маленький убийца предпочитал сохранять между собой и недружелюбным хозяином дистанцию. Нэсс впервые за время разговора понимающе улыбнулся и воткнул колун в колоду. Провел рукой по соломенным волосам.

Напряжение немного спало.

В этот момент на крыльце появилась высокая молодая женщина. Светлые, почти белые волосы стянуты в тугую косу, длинная черная юбка, льняная рубаха. Она увидела незнакомцев, и в синих глазах сверкнул гнев, а тонкие губы сжались в прямую линию. Тень набежала на ее лицо, и Кнут помимо воли потянулся к кошельку. Там у него лежал благословленный жрецом Мелота талисман. Он знал, что амулет против нее не поможет, но глупое суеверие оказалось сильнее его. Лишь в самый последний момент одернул себя, убрал руку.

Теперь ему приходилось не упускать из виду и мужчину и женщину.

– Доброго дня, Лаэн.

Она проигнорировала приветствие. Посмотрела на мужа. Тот ответил ей тем же. Казалось, что они разговаривают мысленно. Лаэн развернулась и вошла в дом. Перед тем как закрыть за собой дверь, бросила на незваных гостей предупреждающий взгляд.

Гнус облегченно перевел дух. Все время, пока женщина находилась на крыльце, он не дышал.

– Кажется, раньше вы работали вдвоем? – спросил у Кнута Нэсс.

– Работали. – Командир скорчил кислую мину, показывая, как он счастлив тому обстоятельству, что ему всучили четвертого.

– Ладно, говори, зачем пришел. – Хозяин надел рубаху.

– Молс шлет тебе привет.

– Никогда не поверю, что он заставил тебя проделать весь путь ради одного привета.

Кнут поморщился:

– Не только ради этого. Он просил передать, что за твою голову дают пять тысяч соренов.

И столько же за Лаэн.

Плотник остался невозмутим:

– Неужели ты огорчишь меня и скажешь, что Молс нуждается в деньгах?

– Нет, он просто хотел тебя предупредить. В память о старой дружбе.

– Очень мило с его стороны. Как он меня нашел?

– Откуда мне знать? Ему на ушко пташки щебечут. Мне сказали – я сделал, и только-то. Предложение поступило недели две назад. Прошел слух, что ты жив. Доказательства явно были серьезными, раз из тебя хотят сделать трофей. Согласись, за такие деньги дураки найдутся.

– О да. Что в нашем мире никогда не переводится, так это дураки. Гнус, расслабься и убери руку с ножа.

– Прости, привычка, – поспешно извинился тот и в доказательство мирных намерений даже отошел к воротам.

– Слушок о таких деньжищах, как ты понимаешь, не остался незамеченным. Ваши жизни под угрозой.

– Что еще хотел передать мой старый друг?

– Всего ничего. Цену назвал Йох Трехпалый.

В серых глазах вспыхнуло пламя. И тут же погасло.

– Что же. Спасибо за новости. Передавай Молсу мою благодарность.

– Вообще-то он очень рассчитывал, что ты передашь ее лично.

– Я не настолько соскучился по Альсгаре, чтобы возвращаться.

– Здесь опасно – любая крыса вас знает. Не спрячетесь. Мы остановились в трактире. Будем дней пять-шесть. Если передумаешь, дай нам знать.

– Почетный эскорт?

– Вроде того. Бывай.

Кнут, не говоря больше ни слова, пошел к воротам. Последним выходил Гнус. Что характерно – пяťсясь.

Глава 2

Я не стал их провожать. Слишком много чести. Остался на крыльце, наблюдая за тем, как недомерок закрывает за собой калитку. Этот парень – та еще мерзость. В старые добрые времена в Альсгаре мы столкнулись с ним на узкой дорожке. В тот раз сойти с нее пришлось Гнусу. Но это не означало, что он признал мое право брать лучшие заказы. Отнюдь. Всего лишь вынужденное и временное отступление. И сейчас, спустя годы, от него можно ожидать любых неприятностей. Я не стану поворачиваться к нему спиной.

Неожиданное появление «товарищей» по бывшему делу произвело на меня впечатление. Забери их Проклятые! У меня до сих пор не укладывалось в голове, как нас смогли найти. Пять лет переездов с места на место, и все впустую!

Мы нигде подолгу не задерживались, старались не заводить не то что друзей, даже знакомых. Вели себя тише воды, ниже травы. Я и Лаэн знали: несмотря на то что для всех мы давно мертвы, нас продолжают искать. Особенно искали в первые два года.

Мы благополучно избежали неожиданных облав. Тогда по множеству примет стражники, солдаты Наместника и люди Ходящих искали мужчину и женщину. Дважды нас едва не взяли, и дважды мы сухими выходили из воды. Потом, когда уже все успокоилось, мы все равно продолжали осторожничать. Так прошло еще три года. Затем, уверившись, что о нас все забыли, я привез Лаэн на самые задворки Империи. На юг. За страну болот блазгов. В леса.

В деревне мы провели два спокойных и счастливых года. Жизнь в глуши особого удовольствия ни жене, ни мне не доставляла, но приходилось тянуть время, выжидать, а затем попытаться вернуться к морю и сесть на какой-нибудь корабль. Уплыть куда подальше.

И вот в тот момент, когда я начал считать дни до отъезда, в наш дом бесцеремонно вваливается прошлое, от которого мы так долго и успешно бегали. Уму непостижимо, как нас смогли найти после тех заячьих петель, что были накручены за это время.

Смешно!

То, что не смогли сделать шпионы Ходящих, без труда провернул старина Молс. Как? Как?! Как, побери меня Бездна, он смог нас отыскать?!

Дверь распахнулась, и Лаэн села рядом. Какое-то время мы молчали. Слышали, как приятели Кнута залезают на лошадей и отъезжают от дома.

– Что думаешь? – спросил я у жены.

– Правду говорят – как не беги от прошлого, оно рано или поздно тебя догонит. У нас в запасе неделя, не больше. Потом здесь станет слишком опасно.

– Жаль, что придется все оставить. Дом хороший.

Мне и в самом деле было не по себе. Забавно. Все время мечтал уехать из этой дыры, а как настало время делать ноги, жалко бросать. Жилье как-никак построено моими руками.

– За эти годы ты успел стать настоящим домоседом, дорогой, – усмехнулась она. – Раньше ты им не был.

– Ты тоже была другой, – я скопировал ее усмешку. – Пришло времячко отправляться в дорогу.

– Молс может врать. Он давно хочет отправить Трехпалого в Счастливые сады. А тут мы так удачно подвернулись. В любом случае нам придется убрать заказчика. Молс именно на это и рассчитывает. Кнут не зря сказал, что он ждет личной благодарности.

– Убрать Йоха придется, это правда. Но вот поможет ли это нам? Если те, кто нас искал, сели на хвост, все впустую. Нам не дадут спокойно жить.

Лаэн нахмурилась и положила голову мне на плечо. Мое солнце понимала, о ком идет речь и кто еще может нас искать. Те самые люди, из-за которых нам пришлось инсценировать свою смерть и навсегда покинуть Альсгару семь лет назад...

...Снег шел второй день. С низких серых небес безостановочно падали крупные белые хлопья. Они оседали на мостовых, площадях, деревьях, сторожевых башнях, рыночных палатках, красных черепичных крышах, шпилях храмов Мелота и шапках прохожих. Альсгара Зеленая, как называли столицу южной провинции Империи, превратилась в Альсгару Белую.

Больше всего свежему снегу радовалась детвора. Всем остальным он доставлял лишь неудобства. На дворе начало весны, а снег валит, словно во время праздника Лун⁸. До чего же мерзкая погода!

Я выругался про себя и потер руки в перчатках. Пальцы начинали коченеть. На чердаке, где я маялся вот уже третий нар, властвовал холод. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Окно давно выбито, и сюда задувал ледяной ветер. К этой неприятности добавлялось еще одно неудобство – темнота. Скучный свет, струящийся с вечерней улицы, нисколько не помогал. А свечу я зажечь не рискнул. Конечно, шанс, что огонек увидят прохожие, невелик, но рисковать не стоит.

Проклятье! Ну и холод! Я стал усиленно тереть руки, пока в кончики пальцев вновь не вернулось тепло. Хорошо, что это не лютая зима. Иначе я бы уже давно околел.

Я осторожно выглянул на улицу. Опять выругался. Еще полнара, и окончательно стемнеет, а цели до сих пор нет. Опаздывает на нар. Дважды ударил колокол на Надвратной башне Высокого города⁹. Девять наров. Проклятье! Ну где же она? Где?! Я поймал себя на том, что нервничаю.

Немудрено. Куш, который нам с Лаэн отвалили, был немаленьким. Пятнадцать тысяч соренов золотыми имперскими – сумма сумасшедшая. Никогда ни за чью голову не давали таких денег. Даже за Наместника. Так что заказ стоил всех возможных последствий. Мы решили рискнуть.

Да. С нынешней работой придется завязать и навсегда исчезнуть, но с такими деньгами (кстати говоря, выплаченными вперед) и море по колено.

Когда я рассказал Лаэн о предложении, поступившем от неизвестного заказчика, она не стала меня разубеждать бросить это рискованное занятие. Понимала, что я уже попался на крючок. Выслушала молча. Молча встала и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вернулась лишь через нар. Я не знал, где она была все это время. По покрасневшим глазам видел, что плакала, но спрашивать ничего не стал. Она не любила, чтобы кто-то видел ее слабость. Так что пришлось сделать вид, что я ничего не заметил.

Лаэн села за стол, взяла меня за руку и кивнула. Мое солнце все еще была со мной. А это означало, что мы беремся за дело. Без ее участия заказ не стоил выеденного яйца блазга – вынесут вперед ногами.

Обзор с чердака оказался ужасный. Не видно подходов и отходов. Лишь небольшое пространство перед выходом на площадь и то, что находилось непосредственно под окном. Я знал, что стрелять придется из крайне неудобного положения. Цель будет на виду всего ничего.

Любой, хоть немного понимающий в стрельбе из лука, скажет, что устраивать «гнездо» на таком месте – глупо. Именно поэтому я и выбрал его. Когда начнется переполох, все внимание охраны обратится на колокольню и стоящий напротив нее дом богатого вельможи – там можно устроить отличные засады. И очень удобные. Но сидеть в подобных «секретах» не стоит, иначе после выстрела можно будет уйти только в одном направлении – на кладбище. А я считал, что туда мне отправляться еще рано.

«Нэсс?»

⁸ Праздник Лун – большой религиозный праздник, проходит в середине зимы.

⁹ Высокий город – самая старая часть Альсгары, построенная на так называемой Скале, вокруг которой впоследствии вырос остальной город.

Лаэн «молчала» уже больше нара, и прозвучавший в голове голос заставил меня вздрогнуть.

«Здесь», – мысленно ответил я ей.

«Цели нет. Я волнуюсь. Если не появится в ближайшие пятнадцать минок, придется уходить».

«Понял».

Я скрипнул зубами от досады. Она права. В темноте шанс промахнуться слишком велик. А мазать нельзя. Нужен точный выстрел. Один. На второй просто не будет времени.

Тепло ласковым ручейком пробежало по позвоночнику, и я расслабил напряженные мышцы. Благодарно выдохнул. Прислонился к стене. Находящаяся на другом конце улицы напарница знала, когда прийти на помощь.

Лаэн обладала Даром, хотя не была ни Огоньком, ни Ходящей. Она умела разговаривать на расстоянии с любым человеком. Впрочем, этим ее способности не ограничивались, но о большинстве других талантов Ласки не знал никто, кроме меня.

Как она сумела разжечь «искру» без помощи Ходящих – я не понимал. И не хотел спрашивать о ее прошлом, а она никогда не заводила такие разговоры. Возможно, оно было слишком темным, поэтому не стоило лезть в ее душу. Положа руку на сердце, мне было все равно, кем она была раньше. Я просто поставил себя перед свершившимся фактом – Лаэн владеет Даром, и точка. Я знал, что люблю ее и могу ей доверять. Мы были не только друзьями и напарниками, но и семьей. О последнем никто, кроме Молса, не догадывался. Но тот ни о чем не спрашивал, в чужие дела не лез.

«Есть! Вижу ее. Приготовься».

Я, не суетясь, снял теплые перчатки, убрал их за пояс. Надел те, что для стрельбы. Затем взял в руки стовосьмидесятифунтовый¹⁰ лук. Уперев нижний рог в землю, надавил на верхний и, задержав дыхание, с усилием натянул тетиву. Я пристреливал это чудовище больше недели и без труда пробивал дубовую доску на расстоянии двухсот ярдов. Жаль, что придется его бросить. Но после убийства выходить с этим на улицу – вселенская глупость.

«Готов».

«Идут по улице. Быстро. Будут у тебя через минку».

«Понял».

«По моему знаку...»

Я кивнул и только потом понял, что Лаэн не может меня видеть.

«С ней шестеро. Два Огонька и четверо гвардейцев. У двоих арбалеты».

«Меня больше волнуют Огоньки».

Вновь горячая волна.

«Не беспокойся. О них позабочусь я».

Я хмыкнул. Лаэн должна сделать самое сложное – ошеломить двух ведьм, снять защиту, создаваемую ими над целью. Не надолго. Всего лишь на три, быть может, четыре уны. Этого времени должно хватить на выстрел.

Внезапно падающие снежинки закрутило. Спустя мгновение их скорость и направление стали другими. Северо-западный ветер сменился северным. Плохо.

«Ветер изменился. – Лаэн также не забывала следить за обстановкой. – Северо-запад. Порывы. Четверть пальца».

Четверть пальца. Еще хуже. Придется брать упреждение и молиться Мелоту, чтобы во время выстрела капризная стихия не взбрыкнула. Хорошо, хоть лук не слабый да стрела тяжелая.

«Вижу. Знаю. Спасибо».

¹⁰ Фунт – мера веса, равная приблизительно 400 г. В данном случае говорится о силе натяжения тетивы.

«Двадцать ун. Они возле дома казначея. Идут к тебе».

Я постарался выровнять дыхание. Вдох, выдох. Это обычный выстрел. Ничего более. Я стреляю из лука, сколько себя помню. Я прошел войну в Сандоне. А на войне все гораздо сложнее. Тут никто не бежит на тебя с мечом. Надо всего лишь увидеть, прицелиться и сделать то, за что нам заплатили.

Взяв лежавшую на полу стрелу с белым, сделанным из неизвестного мне материала наконечником, быстро проверил оперение. Не повреждено ли?

Стрелу передал человек заказчика вместе с вознаграждением. Когда Лаэн ее увидела, то наотрез отказалась брать в руки. Сказала лишь, что подобная штука создана для того, чтобы убивать в людях основу их Дара, гасить «искру» и уничтожать саму душу волшебника. Поначалу я отнесся к подобному «гостинцу» с предубеждением. Но использование странной стрелы – было одним из жестких условий заказа. Пришлось поскрипеть зубами и согласиться. Но я до сих пор не знал, как она поведет себя в полете.

«Встречаемся в Гавани¹¹, где договорились. Если не приду через нар – уходи без меня».

«Ты прекрасно знаешь, что без тебя я никуда не уйду!»

Мы собирались покинуть город не так, как это запланировал заказчик. Слишком велик шанс, что он (или она) решит избавиться от исполнителей. Лаэн разработала собственный план и теперь собиралась проверить его в деле. Никто, кроме меня и ее, не знал о том, куда мы направимся после задания. Для всех Серый и Ласка исчезнут. Умрут.

Я положил стрелу на тетиву и уже не отрывал глаз от заснеженной улицы. Полумрак. Идиоты-фонарики опять запаздывают. Проклятье! Именно сейчас мне нужен свет!

«Все еще северо-западный. Полпальца. Через минку изменится на северный».

«Запомнил».

«Удачи. Вот они!»

И тут я их увидел. Группа людей быстро шла в сторону Крестцовой площади. Впереди два гвардейца, за ними женщина. Потом еще две. Шествие замыкала пара солдат.

Края наконечника стрелы неожиданно замерцали лиловым. Я едва не отбросил ее в сторону.

«Лаэн! Стрела светится!»

«Не беспокойся. Она ощущает «искру» цели. Сто пять ярдов».

Не беспокойся? Если кто-нибудь из них догадается поднять голову и посмотреть в мою сторону, можно забыть об удаче.

«Какая из них? Та, что первая?»

«Девяносто пять ярдов. Нет. Вторая слева».

«Уверена?»

«Да. Слушай меня. Соболиная шуба. Девяносто. Как только скажу...»

Я видел маленькую женскую фигурку в соболиной шубе. Сейчас они подошли на минимальное расстояние, но я не стрелял. Плохой угол. Спустя уну вторая женщина закрыла собой жертву.

«Девяносто пять... Сто... Сто пять...»

Она уходила от меня все дальше и дальше. Еще ун двадцать, и соседний дом полностью перекроет обзор.

«Северный. Четверть пальца. Навстречу тебе едет фургон. Через восемь ун закроет цель. Жди. Сто десять...»

Я видел удалявшуюся спину. Но вполне доверял чутью Лаэн. Вот и фургон. Миг – и он проехал дальше.

«Сто пятнадцать... Давай!»

¹¹ Гавань – район Альсары у самого моря.

Недели тренировок не прошли даром. Я действовал, не думая. Вскинул лук, натянул «на разрыв»¹², выстрелил.

Танг!

Я тут же отскочил от окна к стене, успев заметить, что устремившаяся к цели стрела оставляет за собой лиловый след.

Лаэн действовала одновременно со мной. Конечно же я ничего не почувствовал, но знал, что защита ничего не подозревающих Огоньков оказалась смята.

Хлоп!

Улица на мгновение осветилась лиловым. Стрела нашла свою цель.

Бах! Бах! Бах!

Грохот снаружи известил о том, что Огоньки пришли в себя и ударили вслепую. Лаэн молчала, опасаясь, что теперь-то волшебницы смогут услышать наш «разговор». Очень надеюсь, что мое солнце уже ушла.

Я бросил лук и, на ходу снимая перчатки, покинул чердак. По шаткой лестнице спустился до второго этажа. Отпер дверь, вошел в загодя снятую комнату, быстро переоделся в лежащее на свежем хлебе платье подмастерья пекаря. Не забыл добавить на одежду и руки муки.

На ходу откусил от булки и, жуя, открыл окно, ведущее на задний двор. Примерившись, перепрыгнул на сарай. С него – прямо в высокий сугроб. Встал. Огляделся.

Пусто. Подбежал к низкому забору, без труда перемахнул через него и подворотнями вышел на узенькую улочку. А затем, никуда не торопясь, пошел прочь. С улицы Рукавиц доносились приглушенные расстоянием крики.

Отсюда было видно лишь возвышавшуюся колокольню. А точнее то, что от нее осталось. Озверевшие Огоньки, недолго думая, жажнули магией по верхним этажам ближайших строений, надеясь задеть убийцу.

Что же. Не зря я «свил гнездо» в менее заметном месте, иначе бы меня просто расплющило. Пока поймут что да как, мы с Лаэн будем уже далеко, а наши (якобы) трупы обнаружат полностью обгоревшими в старой берлоге Йуолы и Ктатака. Надеюсь, друзья простят, что мы сожгли один из их сараев.

Я быстрым шагом направился в ночь...

– Буду собираться. – Лаэн вздохнула и встала с крыльца.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Семь лет прошло, а помню все, словно это было вчера.

– Да. Ты права. К завтрашнему вечеру желательно покинуть деревню. Я не смогу забрать деньги.

– Я схожу. Но только завтра.

– Одна? Уверена, что справишься?

– Вполне. Кнуту сообщать будем?

Кнут, может, и неплохой человек, но слишком сближаться с ним не стоит.

– Нет.

Я хмурился. Идея ее похода в лес в одиночку не очень нравилась. Но деньги взять может только она. Это правда.

– А если он узнает и решит составить нам компанию?

Я просчитал варианты и произнес:

– Лучше бы ему не узнать.

¹² Выстрел из мощных луков в большинстве случаев исключает долгое прицеливание и удержание натянутой тетивы. Из-за большой силы натяжения стрельба идет на так называемый «разрыв» (используется противоположно направленный рывок обеих рук).

Лаэн жестко усмехнулась и ушла в дом.

Глава 3

Га-нор наклонился к уху командира и едва слышно прошептал:

– Не нравится мне это.

Лохматый Да-тур ничего не ответил. Вместо него подала голос молчунья Та-ана:

– За все время, что мы здесь торчим, ни один из шестерых не пошевелился. Крепко же они спят!

Невысокая северянка была права. Спали горцы на удивление крепко.

Дети Ирбиса притаились на невысоком скалистом выступе. Внизу горел маленький костер, у которого, завернувшись в рваные одеяла, лежали враги. Осторожные горцы обычно всегда выставляли стражу, но сейчас она отсутствовала. И это не нравилось следопыту отряда. Можно предположить, что Га-нор не заметил секрета, но командир рыжеволосых воинов скорее отрубил бы себе руку, чем поверил в то, что его кровный брат пропустил опасность.

Неизвестность выводила из себя. Да-тур в который раз подумал, что их поход был проклят. А ведь поначалу ничто не предвещало беды! Несущие службу у Врат Шести Башен северяне знали ущелья и тропы Самшитовых гор, как свои пять пальцев. В землях Империи не найти лучших разведчиков, чем они. Ни один вражеский отряд не мог незамеченным проскользнуть через перевалы, если их стерегли Дети Ирбиса.

Когда десяток Да-тура вышел из Врат Шести Башен, никто не рассчитывал на неприятности. Все было тихо, пока отряд не спустился в долины за основной грядой. Здесь каждый поселок, каждая пядь земли кишели набаторскими солдатами. А затем Та-ана заметила среди врагов белую мантию сдисца. Разведчики, не мешкая, бросились в обратный путь. Следовало немедленно сообщить об увиденном коменданту Врат.

На обратном пути, в одном из угрюмых ущелий на них напал горный гов. Они глупо попались. Старую дозорную башню, оставленную имперскими солдатами еще во время Войны Некромантов, следовало обойти кругом. Северяне поторопились, решили срезать путь и пошли напрямик. Вот и нарвались на выбравшуюся из летней спячки голодную тварь. Выжило только трое. Да-тур, Га-нор и Та-ана. Семь Детей Ирбиса навсегда остались в узком ущелье.

Га-нор – высокий, рыжеусый и загорелый – приподнялся на локтях, посмотрел вниз. Нахмурил кустистые брови. Все же странно, что горцы не озаботились выставить охрану.

Ни движения, ни звука. Ничего, кроме далекого мерного гула – горная река гремит на перекатах. Нет никаких поводов для тревоги. Если это засада, то очень умелая. А умелые засады не входят в достоинства нетерпеливых горцев. Во всяком случае, так долго пролежать неподвижно чусы никогда не могли, если только они не были мертвецами...

И внезапно Да-тур понял.

– Клянусь шкурой ледяного демона! Они же мертвы! – ошеломленно сказал он.

– Давайте уйдем, – прошептала Та-ана и сама себе удивилась. Она никогда не боялась мертвецов, но все, что сейчас происходило, выглядело странным. – Не стоит беспокоить их души.

Га-нор мрачно кивнул и поддержал лучницу:

– До рассвета далеко. Мы успеем много пройти.

Да-тур тихо встал, прошел по скалистому карнизу с десятков ярдов, удалившись как можно дальше от костра, и спрыгнул вниз. За ним последовали его товарищи. То и дело оглядываясь, они поспешили прочь.

На западном склоне двуглавой горы внезапно полыхнул зеленый светлячок. Он превратился в огненный шар, по крутой дуге взлетел в небо, завис в наивысшей точке, а затем рухнул

туда, где остались тела чусов¹³. Достигнув земли, шар бесшумно лопнул, разбрызгивая во все стороны изумрудное пламя.

– Сдисский колдун!

Это была засада, и ждали именно их. Вероятно, Белый, которого Та-ана видела вместе с набаторскими солдатами, заметил чужаков и решил остановить. К чему раньше времени тревожить гарнизон Башен?

– Уходим. Быстро!

Да-тур нутром чувствовал разливавшуюся по ущелью опасность. Он очень надеялся, что расставленная ловушка еще не захлопнулась и есть шанс ускользнуть из цепких пальцев некроманта.

– Берегись! Сзади! – крикнула стоявшая на карнизе лучница.

Командир отряда обернулся и отпрыгнул. Крепко выругался. Лежавшие вокруг костра мертвецы вставали с земли. Га-нор выхватил из-за спины меч. Эти создания оказались на удивление проворны. Северяне едва успели подготовиться к встрече.

Двое насели на Да-тура, еще один – на рыжеусого, а последний, четвертый, бодрой рысью направился к Та-ане. Женщина выпустила в лицо порождению магии стрелу, но безрезультатно.

Освещенные лунным светом искаженные лица, оскаленные зубы и горящие зеленым огнем глаза могли напугать кого угодно. Да-тур пронзил грудь одного из чусов, но это не привело на противника ни малейшего впечатления. Подоспел Га-нор, уже успевший расправиться со своим врагом.

– Голову руби! – рявкнул следопыт, ловко подсекая ближайшему мертвяку ноги.

Командир крутанулся, снес слуге сдисца половину черепа и бросился на подмогу к девушке. Спустя минку все было кончено.

Двое мужчин тяжело дышали, Та-ана дрожащими руками вырезала из успокоившегося трупа стрелы. Да-тур взял низкорослую лучницу за шкуру, без труда поднял ее с колен и поставил на ноги:

– К Угу стрелы! Постараемся выйти из ущелья и затеряться в горах.

Они неслись вдоль ручья. По мокрым камням, едва касаясь земли. Ущелье превратилось в узкий каньон, скалы закрыли собой небо. Луну заслонили облака, и бежать приходилось при свете звезд. В темноте слышалось тяжелое дыхание воинов, звон ручья и все усиливающийся грохот безымянной реки. Да-тур скомандовал привал. Га-нор тут же упал и приложил ухо к земле.

– Никого, – наконец выдохнул следопыт, вставая с камней. – Нас загоняют в ловушку, брат. Отсюда не выберешься.

Он был прав. По таким отвесным скалам заберется разве что мангуст. Если вход и выход из каньона перекроют, им не вырваться.

– Добраться бы до реки... – с надеждой протянула Та-ана. – По воде уйдем.

– Должны добраться, – решительно сверкнул глазами Да-тур.

Течение у берега оказалось сильным, и из воды они выходили с трудом. Плавать в темноте по быстрой, ледяной горной реке отваживались или самоубийцы, или Дети Ирбиса. Первые разбивали головы на перекатах, вторые выживали. Воины плыли больше полунара и благодаря скорости течения оставили опасность далеко позади.

Они попадали на камни, переводя дух. Впрочем, Та-ана тут же села на корточки и отжала волосы. Затем натянула на тисовый лук новую, сухую тетиву, раскрыла футляр из кожи и раз-

¹³ Чусы – самоназвание горных племен.

вернула промасленную бумагу, в которой хранились стрелы. Лучница понимала, что без лука ей и ее товарищам придется совсем худо.

Га-нор во время плавания наглотался воды и теперь кашлял.

Ветер разогнал облака, вновь появилась луна, и северяне увидели белесые и величественные руины древнего города. Люди покинули горную столицу бывшей имперской провинции, когда началась Война Некромантов. С тех пор минуло больше пятисот лет. В Герку – город Тысячи колонн, как называли его путешественники, так никто никогда и не вернулся. Столетия превратили бывшую жемчужину высокогорья в мертвое королевство холодного ветра. Он каждый вечер спускался сюда с покрытых снегом вершин и тоскливо завывал в руинах древних зданий. Это место называли городом призраков. Горцы обходили его стороной и не решались останавливаться на ночевку, если между ними и белыми стенами было расстояние меньше дневного перехода.

Но северянам сейчас было не до суеверий. Путь через Герку в пять раз короче других дорог. На южной оконечности города начиналась тропинка, ведущая на перевал, а там уж и до Врат рукой подать.

Они прошли через высокую арку того, что было раньше главными воротами, и оказались на широкой улице. Куда ни кинь взгляд – разрушенные дома и тысячи мраморных колонн, уходящих в небо. Лунный свет искрился на них, оживлял, заставлял казаться ослепительно прекрасными, как в те годы, когда здесь кипела жизнь. Серебристо-синие просветы пустой улицы, тяжелые тени старых строений, истрескавшаяся от времени каменная мостовая и почти невидимая глазу голубоватая дымка зарождающегося тумана...

Герка безучастно смотрела на чужаков темными провалами домов. Ей было все равно, кто и зачем пришел к ней. Лишь с ветром она пела свои песни. Ветер был ее вечным другом, а люди всегда уходили и предавали. Она не желала мстить им за предательство и хотела лишь одного – чтобы ее оставили в покое. Поэтому некогда великий город пропустил троих воинов с далекого севера и не причинил им вреда.

Точно так же он поступил с теми, кто пришел следом за рыжими.

Тропка шла по краю обрыва. Слева от нее – базальтовая стена. Справа – пропасть. Разведчики поднимались уже больше нара, и долина, в которой находился город Тысячи колонн, осталась далеко внизу. Да-тур то и дело бросал взгляд на тускнеющие звезды. Рассвет дышал им в спину. К этому времени следует добраться до перевала, а еще лучше – миновать его.

Неприветливый, резкий, ледяной ветер, снег на тропинке. Перевал, вот он уже, рукой подать. Ночь забрала все силы, они устали, но продолжали упорно двигаться вперед. Га-нор несколько раз останавливался и смотрел назад. Он все еще не верил, что удалось обмануть некроманта.

Впереди, на тропе появился человек. На фоне быстро светлеющего неба и белых пятен снега был виден только его силуэт – высокий, массивный, широкоплечий. Он шел со стороны перевала. Не торопясь, вразвалочку, словно гуляя.

Та-ана вышла вперед. Прицелилась.

– Забери меня снежные горы! Кто это? – Лучница нервничала и кусала потрескавшиеся губы.

– Не знаю, – напряженно ответил Да-тур. – Никого, кроме слуг Белого, здесь быть не может. В ногу.

Женщина хищно улыбнулась и натянула тетиву. Незнакомцу осталось всего ничего. Га-нор напряг зрение и увидел, что все тело человека закрыто чешуйчатым доспехом.

– Не стреляй! «Рыба»! – гаркнул он в тот момент, когда Та-ана отправила стрелу в полет. Грохнуло так, что заложило уши.

Чужак лопнул, словно перезрелый плод. Теплый удар смрадного воздуха сбросил не удержавшегося Га-нора в пропасть. Та-ане тоже не повезло. Как только «рыба» взорвалась, во все стороны разлетелись сотни острых металлических чешуек. Целый десяток их изрешетил женщину, убив ее на месте.

Да-тур стоял у стены и только поэтому не свалился вниз. Одна из чешуек едва не угодила ему в голову, другая оставила глубокую царапину на предплечье. В воздухе пахло горелым мясом, волосами и чем-то еще. Станным. Отталкивающим.

На шатающихся ногах северянин подошел к Та-ане и упал перед ней на колени. Его мutilовало, кровь текла по руке. Голова трещала. Кругом валялись ошметки мяса того, кто совсем недавно был живой смертью.

Уже светало, а он все еще стоял над телом женщины. Наконец очнулся, сорвал с шеи клановый платок, перетянул им рану на руке. Воткнул меч в землю, опираясь на него, рывком поднялся на ноги и... нос к носу столкнулся с тремя мортами.

Ужасно худые создания, с длинными руками и ногами, тонкими шеями и блестящими черепами. Лоснящаяся эбеновая кожа плотно обтягивала выпирающие кости. Янтарные глаза на фоне темных провалов отрубленных носов казались огненными. Никаких доспехов. В руках мечи-скимы. Телохранители некроманта пришли за добычей.

Да-тур взревел, поднял клинок, рассчитывая дорого продать жизнь. Тропка была так узка, что враги могли нападать лишь поодиночке. Это давало шанс если не выжить, то продержаться как можно дольше.

С первым из противников, несмотря на его мастерство, рыжий справился быстро, попросту улучив момент и сбросив его в пропасть. Затем он ринулся вперед, нанося удары наотмашь, вынуждая врагов пятиться.

Откуда-то снизу прилетел уже знакомый зеленый шар и разорвался за спиной. Колдун находился внизу, в долине, возле самого выхода из Герки, чтобы добраться до сына Ирбиса, ему потребуется много времени. К этому моменту Да-тур или победит или проиграет.

Морт атаковал в шею, скрестив клинки словно ножницы, но человек присел и пронзил проклятую тварь насквозь. Ударил ногой, освободил клинок и... захлебываясь кровью, упал на бок.

Поначалу он не понял, что случилось. Постарался встать. Не вышло. Ноги отчего-то не слушались. Над ним стояла Та-ана. Ее глаза пылали зеленым.

Когда они наткнулись на «рыбу», Га-нор стоял к краю пропасти ближе всех. Это обстоятельство его и спасло. Во время взрыва северянин свалился вниз и тем самым избежал участи быть по уши насаженным на стальную чешую.

Пал он недолго. Путь в бездну прервался из-за очень кстати подвернувшегося куста горного ошена¹⁴. Густые цепкие ветви дерева, вбившего корни прямо в скалу, приняли на себя удар человеческого тела и сломались. Но сына Ирбиса спасли. В двух ярдах ниже ошена располагался узкий карниз. Именно на него и угодил Га-нор. Падение с такой высоты на твердую поверхность должно было сломать человеку кости, но благодаря деревцу он лишь потерял сознание.

Следопыт очнулся, едва слышно застонал. Открыл глаза, полежал, стараясь понять, где находится. Солнце стояло в зените. Прошло довольно много времени с тех пор, как они наскочили на «рыбу». Воспоминание о твари колдуна заставило его осторожно пошевелить руками и ногами, стараясь понять, целы ли они. По всему выходило – да.

На то, чтобы оценить, куда он попал, времени много не понадобилось. Га-нор искренне поблагодарил Уга за спасение жизни. Если бы не карниз, выбитый в скале ветром и дождями,

¹⁴ **Ошен** – горное дерево с колючими листьями.

падать северянину и падать. С такой высоты лежащий в долине город Тысячи колонн казался не больше ладони.

Га-нор внимательно изучил скалу и пришел к неутешительным выводам. Трещин, конечно, много, но пальцы туда не просунешь. Чуть выше растет оштен с обломанными ветвями. Если снять пояс, можно попытаться до него добраться. Но выдержат ли корни его вес? Вряд ли. Да и если даже он заберется, что дальше? До края все равно не достать.

С этого птичьего карниза деваться некуда. До верха не допрыгнуть, а отправляться вниз можно, только если хочешь покончить с жизнью. Так что смерть он встретит наедине с горным ветром, небом и голодом.

О том, что случилось с товарищами, следопыт старался не думать. Та-ана стояла ближе всех к «рыбе», ей вряд ли удалось выжить. Да-тур, если и остался цел, скорее всего, посчитал соплеменника погибшим. Если так, то теперь кровный брат уже за перевалом, на пути к Вратам Шести Башен.

Во время падения Га-нор потерял меч, и у него остался только кинжал. Будь их два, северянин, не раздумывая, начал бы штурмовать стену. Он раньше проделывал подобный трюк, а однажды на спор забрался по отвесной стене, прилегающей к башне Дождя. Но с одним кинжалом нечего и мечтать о том, чтобы оказаться наверху. Уж проще отрастить крылья.

Весь день прошел в безуспешных попытках найти выход из ловушки. Га-нор метался от края до края площадки, ругался, но все было без толку. Проклятия и молитвы не помогали.

К вечеру, когда до захода солнца оставалось не больше нара, следопыт сидел, прислонившись к стене, и, подбирая лежащие вокруг камешки, бросал их в пропасть. Понимая безнадёжность ситуации, отстраненно подсчитывал дни, выделенные ему Угом для жизни. Выходило, прежде чем сдохнуть от голода, придется порядком помучиться. Крайне безрадостная перспектива.

Эмоции требовали выхода, и северянин выругался. Громко. Как и следовало ожидать – ничего не случилось. Затем ему на голову и за шиворот посыпались пыль и мелкая каменная крошка. Га-нор вскочил, испугавшись возможного камнепада. Но ничего подобного не произошло. Невольный пленник напряженно вглядывался вверх и наконец увидел то, что хотел. Вновь посыпалась крошка, затем упало несколько камешков. Все говорило о том, что там кто-то ходит. Сейчас сыну Ирбиса было все равно кто это – друг или враг. Сорок лет это не тот возраст, чтобы подышать, словно угодившая в капкан ледяная белка. Уж лучше умереть от вражеского оружия и отправиться на праздник к Угу, чем превратиться в бледного призрака.

– Эй!!! – заорал он что было сил. – Эй!!! Я здесь!!! Внизу!!!

Поначалу никто не откликнулся. А затем он увидел, что сверху на него неотрывно смотрит человек. Привлеченный криками, неизвестный лежал на краю обрыва, заглядывая вниз. Га-нор вновь хотел заорать, теперь уже от радости, но разглядел незнакомца, и крик застрял у него в горле. Это лицо он знал. Ни грязь, ни кровь не смогли его изменить. Тяжелая челюсть, лохматые рыжие волосы и шрам на лбу. Да-тур. А вот приподнятая верхняя губа, обнажавшая в оскале ровные белые зубы и зеленые глаза...

Тварь, раньше бывшая его кровным братом, неотрывно смотрела на человека. Не спуская взгляда с мертвеца, северянин потянулся к кинжалу, и это послужило сигналом. Оживленный магией сдисца труп спрыгнул на Га-нора. Растопырив руки и ноги, он, словно паук, упал туда, где только что находился воин.

Звук, раздавшийся при ударе тела о камень, заставил содрогнуться привыкшего к смерти и крови сына Ирбиса. Казалось, хруст костей должны были услышать даже в Золотой Марке. Несмотря на торчащие сквозь одежду и плоть осколки сломанных ребер, раздробленные руки и вывихнутую под неестественным углом правую ногу, покойник пытался подняться.

Га-нор не мешкал. Выхватив кинжал, он оказался за спиной порождения сдисского колдуна и, вцепившись в окровавленные рыжие космы, оттянул голову мертвяка назад, быстрым

движением вскрыл шею. Оружие с мерзким звуком скрипнуло по шейным позвонкам. Остановился следопыт только тогда, когда зеленый огонь в глазах Да-тура погас.

Тяжело дыша, он снял с дважды мертвого тела свой приз – широкий кинжал – и ногами спихнул труп в пропасть. Га-нор не собирался рисковать и оставлять *это* рядом с собой. Никаких сожалений сын Ирбиса не ощущал. Да-тур мертв, его дух в чертогах Уга, а то, что осталось в этом мире, всего лишь оболочка, находящаяся под властью сдисца.

Солнце почти достигло вершин, и длинные тени накрыли лежавшую внизу долину. Га-нор, не мешкая, начал подъем.

Все оказалось проще, чем он думал, и северянин без труда находил опору с помощью кинжалов. Прислонившись к щели, вбить в нее клинок, подтянуться на одной руке, всадить второй кинжал чуть выше, вновь подтянуться. И так раз за разом. Высоты сын Ирбиса не боялся и медленно, но верно приближался к спасительному краю. Когда до него оставалось не больше двух ярдов, следопыт остановился и позволил себе небольшой отдых. Верхний участок скалы был гораздо сложнее, чем весь пройденный путь. Трещин меньше. А тут еще и ветер проснулся, норовя сдуть человека в пропасть.

На самый верх скалолаз поднялся, когда стемнело. Помня о судьбе Да-тура, осторожно приподнял голову над краем. Дав глазам привыкнуть к темноте, внимательно изучил окрестности. Никого. Облегченно фыркнул, перевалился через край и тут же вскочил на ноги, угрожающе сжимая в каждой руке по клинку.

Ни мертвецов, ни сдисских колдунов. Пусто. Тихо. Тела Та-аны нет. Это настораживало. Следопыт напряженно всматривался во мрак, готовясь дать отпор, но никто не собирался нападать. Что бы ни случилось с лучницей – здесь ее не было.

Прямо у тропинки Га-нор увидел меч Да-тура. Он подхватил его и быстрым шагом, постоянно оглядываясь по сторонам, направился к перевалу. Сын Ирбиса все еще не терял надежды добраться до Башен и предупредить коменданта. Быть может, еще не поздно.

Перед Войной Некромантов земли Империи не заканчивались у Самшитовых гор, они простирались до самого Набатора. Все то, что сейчас называлось Приграничным краем, ранее было Империей. В долинах стояли города и деревни, через которые проходили торговые пути. Привычная жизнь рухнула, когда появились Проклятые. С тех пор эти земли и оставлены. Уж слишком мрачная слава о них ходила. Лишь горцы рисковали жить в угрюмых холодных долинах.

Люди ушли, но города, такие, как Герка, остались. Восемь Шпилей – сторожевые башни, которые создавал сам Скульптор, также оказались покинуты. Только девятая, прозванная башней Тревоги, использовалась армией Империи. Древние книги говорили о том, что Скульптор ваял башни в то же время, что и легендарные Врата. Уходящие на шестьдесят ярдов в высоту, сложенные из черного камня, с множеством бойниц, они простояли тысячу лет.

Но со стороны никогда не скажешь, что уцелевший Шпиль пережил множество войн. Он был точно таким же, как и в день завершения строительства. Казался хрупким и прекрасным, словно Скульптор был не человеком, а йе-арре. Некоторые считали, что легендарный мастер взял в руки потоки горного воздуха и сплел из него небесную красоту. А потом превратил воздух в камень.

В историях, которые рассказывали старики, говорилось, что до Войны Некромантов дозорные в башне без труда переговаривались с товарищами, находящимися в восьми других Шпилях. Может, в этих историях и была доля правды, но сейчас они казались сказкой. Также ходили слухи, что в ныне замурованном подвале спят Лепестки Пути. С их помощью солдаты могли мгновенно перемещаться в тот из Шпилей, где требовалась помощь. Но и это давно стало легендой. Ходящие больше не могли управлять Лепестками.

Скульптор создал башню Тревоги недалеко от дорог, ведущих к двум перевалам. Га-нор добрался до нее в середине дня. Следопыт издали заметил, что над скалой, за которой находилась башня, кружит с десяток стервятников. Сын Ирбиса остановился и нахмурился. Внимательному человеку такое скопище падальщиков говорило о многом.

Действительность оправдала его худшие опасения. Перед Шпилем соорудили виселицу, на которой раскачивалось трое покойников в одежде имперских солдат. Всех остальных свалили у стены, даже не удосужившись похоронить. Отяжелевшие от свежего мяса стервятники, затеяв драку за особо лакомый кусочек, противно орали.

В башне появились новые хозяева. Набаторцы. Га-нор спрятался за камни и стал наблюдать за врагами. Случившееся не укладывалось в голове. Выходило, что отряд противника безнаказанно проскочил через перевал и вырезал гарнизон. Последнее не удивляло. Это раньше здесь несли службу две отборные сотни, а теперь командор Врат отправлял сюда два десятка солдат. Да и то не всегда.

Годы долгого мира даруют ощущение безопасности. Как правило, ложное.

Вот и доигрались. Стражу застали врасплох. Те даже тревогу не успели поднять. У десятков воинов не было никаких шансов выстоять против почти сотни хорошо обученных черно-волосых бойцов.

Набаторцы вели себя как дома и уже начали обживать Шпиль. Это означало только одно – они не ожидают со стороны Врат никакой угрозы. Что случилось с крепостью?

В догадках Га-нор перестал теряться, когда на южной дороге появились всадники. Северянин начал считать, но сбился на шестой сотне. Затем прошел большой отряд пикинеров и арбалетчиков. Судя по всему, под стенами цитадели собирали целую армию. Интересно, на что рассчитывает король Набатора? Врата не так просто взять.

В течение всего дня по тракту то и дело проходили отряды. Также Га-нор увидел шестерых сдисских колдунов и множество их прислужников. Медленно проковыляли два десятка «рыб», пробежало около восьми сотен мортвов. Двести вооруженных огромными мощными луками тварей, в которых он узнал Сжегших душу, проплыли над самой землей. Судя по увиденному, вечный враг Империи – Набаторское королевство заключило союз со Сдисом и скопило немалые силы.

Следопыт не представлял, что делать дальше. Остаться здесь – глупо. Рано или поздно его увидят. Бежать в горы и ждать, когда все закончится, – недостойно воина клана Ирбиса. Отправиться к Вратам? Самый безумный поступок из всех возможных. Он не прорвется через посты противника.

Так и не придя ни к какому решению, он остался на месте, решив до поры до времени не спешить.

К вечеру нахмурилось, похолодало, и тяжелые свинцовые тучи плотной пеленой окутали ущелье. А потом начался сильнейший ливень, загнавший вражеских солдат в башню. Пирующие над трупами птицы с трудом поднялись в воздух. Печатая шаг и увязая в жирной грязи, под рокот барабанов, под присмотром пяти Белых протопала сотня мертвецов. Затем дорога опустела.

Северянин начинал думать, что под прикрытием ненастья стоит рискнуть и попытаться добраться хотя бы до городка. Посмотреть, что там происходит, а уж затем решать, что делать дальше.

В этот момент из башни вышли двое. Закутавшись в плащи, они подхватили лопаты и направились в сторону затаившегося Га-нора. Тому ничего не оставалось делать, как постараться не привлекать к себе внимание. Последнее оказалось несложно. Когда лежишь по уши в грязи, увидеть тебя непросто.

Не дойдя до сына Ирбиса десяти шагов, люди начали рыть яму.

– Проклятый сержант! Сам-то задницу в тепле держит, а мы что?

– А мы, как всегда, крайние, – поддержал второй. – Удавил бы гада!

– Удавишь его, как же, – пробурчал первый. – Он нас всех переживет, сволочь. Пусть сам под дождь вылезает и копает могилы. А я не нанимался!

Он в раздражении воткнул лопату в землю и, бурча проклятия, подошел к тому месту, где прятался Га-нор. Встав над ним, начал развязывать завязки штанов. Сын Ирбиса, понимая, что сейчас окажется не только под дождем, но и под еще одной, гораздо более неприятной струей, встал во весь свой немаленький рост.

Набаторец решил, что из земли вылез демон, и от страха надул в так и не развязанные штаны. Северянин, не глядя, рубанул мечом, перепрыгнул через упавшее в грязь тело и бросился ко второму противнику.

Когда все было кончено, он кинул быстрый взгляд в сторону башни. Подхватив первый труп за ноги, отволлок под прикрытие камней. Затем спрятал второго мертвеца. Теперь время шло на минки. Рано или поздно кто-нибудь вылезет под дождь, чтобы проверить, как идет работа у землекопов-могильщиков. До этого момента желательно убраться как можно дальше.

Второго набаторца он убил ударом рукояти меча в висок. Пачкать одежду кровью (особенно когда она тебе почти впору) неразумно. Рыжий воин быстро переоделся и спрятал лицо под капюшон плаща. Килт и клановый платок свернул и взял с собой.

Возле башни Тревоги располагался огороженный навес, под которым стояло четыре десятка лошадей. Три из них были оседланы. Взяв одну из них под уздцы, он вывел животину на тракт.

Непогода согнала набаторские патрули, так что никто не спешил останавливать одинокого всадника. Через нар северянин увидел раскинувшийся перед Вратами городок и удивленно хмыкнул. Он ожидал наткнуться на пепелище и вражескую армию. Но город оказался не тронут, и тысяч людей и нелюдей словно здесь и не было.

Следопыт заставил перейти лошадь на шаг. Куда делась вражеская армия? Не могла же она раствориться в воздухе, если, конечно, этому не поспособствовали Ходящие.

Он медленно ехал по единственной городской улице, когда трое всадников появились из-за поворота и направились в его сторону. Га-нор остался невозмутим. Воины поравнялись с сыном Ирбиса, без всякого интереса скользнули взглядами по его плащу с эмблемой одного из набаторских отрядов и, так ничего и не сказав, проехали дальше.

Обошлось.

Крепость вынырнула из дождливой пелены внезапно. Четыре из шести башен оказались разрушены, а Створки распахнуты настежь. Га-нор до последнего момента не допускал даже мысли о том, что Врата пали. Он не представлял, как это могло случиться. Кто виноват в таком промахе?! Кто ответит за то, что враг вошел в земли Империи?!

– Эй, ты!

Разведчик натянул уздечку и обернулся. На дороге стояли двое с алебардами.

– Ты из башни?

Га-нор не стал отрицать и кивнул.

– С донесением капитану?

Вновь кивок. Один из набаторских солдат нахмурился:

– Что-то неразговорчив ты, приятель.

– Сам бы поговорил после нара скачки под таким дождем.

Га-нор постарался сгладить резкую «р», указывающую на его принадлежность к народу севера.

– Ладно. Проваливай.

Он поблагодарил Уга за то, что вояки не догадались заглянуть под капюшон. Попробуй объясни им наличие рыжих волос. В Набаторе, где все смуглые и чернявые, рыжина – редкость.

По уму следовало повернуть назад, пока не поздно. Горы большие, там вполне можно спрятаться. А еще лучше отправиться на запад. Рано или поздно он достигнет Золотой Марки, а там уж по морю доберется до Империи. Но... вот они, Створки. Еще пять минок и уже дома.

И Га-нор решился.

На воротах его попытались остановить, но он гикнул, ударил пятками в лошадиные бока и, не слушая воплей, влетел во внутренний двор. Сшиб не успевшего отскочить олуха, рубанул мечом снувшегося алебардщика и, выскочив со двора через ворота Наместника, оказался на земле Империи.

За спиной трубили рога.

Глава 4

Вжжжжиг... вжжжжиг... вжжжжиг.

Точильный камень, словно заговоренный, ползал по лезвию ножа. Кнут смотрел на ежедневный ритуал Гнуса без должного понимания. Считал, что подобное занятие себя не оправдывает, и низкорослый убийца лишь зря расходует силы и время.

– Тебе не надоело?

– А что? Думаешь, уже острый?

– Острый?! – возмутился Кнут. – Да ты всю дорогу от Альстары только этим и занимаешься. Скоро камни, как масло, начнешь резать.

– Разве это плохо? К тому же ты, как всегда, привираешь. Им даже бриться тяжело. Вот, смотри.

В доказательство Гнус попробовал кинжалом прядь собственных волос. Та мгновенно уменьшилась на дюйм.

– М-да, – протянул человечек, с огорчением поглядывая на свое отражение в клинке. – Кажется, и вправду, достаточно.

С улицы вошел Шен. Гнус, увидев его, заворчал и, немного подумав, вновь достал из-за пояса точильный камень. Нехорошо посматривая на молодого ставленника Молса, он, к вящему раздражению Кнута, вновь начал елозить ножом и противно вжикать.

– Где потерял Бамут?

– Он следит за нашим другом, пока Гнус занимается ерундой.

– Странно, что ты его оставил. Скучно стало, малыш? – спросил коротышка, и Кнут нахмурился.

Эти двое и не думают успокаиваться. Он старался не ставить их в пару, но теперь-то что делать? Разводить по разным концам деревни? Ай, спасибо, Молс! Удружил, ничего не скажешь!

– Хватит! – теряя терпение, зарычал Кнут. – Я вам вчера говорил: если решите пустить друг другу кровь – только после задания.

– Задание мы вроде выполнили вчера, – не спуская глаз с Гнуса, процедил Шен.

– Это мне решать, что мы выполнили, а что нет. Гнус, поднимай задницу и топай к Бамуту. Считай, что началась твоя смена. А ты садись и жри.

– Вы меня невзлюбили с первого взгляда. Скажешь, не так? – произнес Шен, усаживаясь на лавку.

Кнут дождался, когда ему принесут шаф, сделал глоток и только после этого ответил:

– Что же, парень, буду откровенным. Ты лишний в нашей сработанной тройке. Пятое колесо в телеге. Я не знаю, с какого ляду Молс тебя с нами отправил. И что хуже всего – я не знаю, каков ты в деле. На что мы можем рассчитывать и что от тебя ждать.

– А ты меня испытай, – потянулся голубоглазый.

– Делать мне нечего. До тех пор пока тебя нельзя будет проверить на задании, я, Гнус и даже добряк Бамут будем считать тебя обузой.

Шен нахмурился, затем расхохотался:

– Воля твоя! Если считаешь, что мне приятно находиться в вашей компании, то глубоко заблуждаешься. Шляться по периферии Империи, кормить комаров и общаться с угрюмыми старыми дураками – не большое удовольствие!

Кнут несколько не обиделся на «дураков».

– Да ты ученый, Шен. Слова-то какие знаешь. «Периферия»!

Тот, поняв, что сболтнул лишнее, громко фыркнул и занялся едой. Командир отряда насмешливо за ним наблюдал. Это не первая оговорка «малыша». Он и раньше вворачивал в

речь крайне странные для выходца из городского дна словечки. Парень неплохо «играет», но опыта ему явно не хватает. Впрочем, у Молса наверняка была причина отправить Шена с ними.

– Не цапайся с Гнусом. Это мой тебе совет. Дружеский. И не корчи такую рожу, ты еще щенок, чтобы с ним тягаться. Гнус тебя прожует и выплюнет. Не лезь к нему, еще раз говорю.

– Да дался мне этот недомерок! – разрезая свиную колбасу, отозвался Шен. – Он мне даром не нужен. Лучше скажи, долго мы еще здесь будем торчать?

– Мы только вчера приехали, а ты уже соскучился по дому.

– Представь себе. Так сколько?

– Сейчас время работает не на нашего друга. Он не дурак, должен понимать, что если его смогли найти мы, то найдут и другие. День, может, два, и он с подружкой отправится в бега.

– И?..

– Как я уже говорил, Серый – умный парень. Понимает, что спрятаться будет тяжело. Когда за голову назначена такая награда, за тобой спустятся даже в Бездну. Можно оттянуть свидание со смертью, сбежав на край Обжитых земель. Можно забраться в болота блазгов, в гнезда йе-арре или леса Высокородных, но рано или поздно тебя найдут. Десять тысяч соренов на дороге не валяются. Охотники найдутся, можешь мне поверить. Тут только один вариант – чтобы тебя оставили в покое, надо вынуть душу из заказчика.

– То есть ты считаешь, что Йох обречен?

– Скажем так. Я предполагаю, что у него есть все шансы не увидеть следующий праздник Имени.

– Печально. Говорят, он оплачивает все городские праздники. Альсгара много потеряет с его смертью.

– Как и Наместник. Его лапа также любит получать оплату. Он служит и нашим и вашим. Я еще не видал задницы, которая так легко могла усидеть на трех стульях. Император, Ходящие и личные интересы. Ха! Порой я начинаю подумывать, что быть Наместником не так уж и плохо.

– Прибыльная работенка. И не пыльная. Только и знай, пиши указы, отчитывайся перед столицей да пляши с посольствами Набатора и Золотой Марки. Ну и денежки лопатой в карман сгребай.

– Соображаешь, – крикнул Кнут. В его голосе проскользнула нотка уважения. – Кстати, давно ты в гильдии? Раньше я о тебе не слышал.

– А кто тебе сказал, что я из гильдии? – неожиданно улыбнулся Шен.

Кнут прищурил глаза:

– Молс сказал, что ты поедешь с нами...

– Но разве он что-то говорил о том, что я вхож в ваш союз?

Нет. Ничего он такого не говорил. Просто приказал Кнуту взять молодого человека с собой и не задавать вопросов.

– Я задолжал ему услугу, вот он меня и попросил прогуляться с вами.

– Угу.

Все не так просто. Чтобы Молс, да вдруг отправил с ними совершенно чужого человека без видимой причины... Просто «прогуляться»? Кнут дураком не был и в подобную чушь не верил. Шен это понял, но переубеждать командира не стал:

– Не знаю, стоит ли говорить об этом твоим друзьям.

– Не стоит. Они и так тебя не слишком любят. Значит, ты нам не помощник?

– Если рассчитываешь, что я буду бегать по деревне с удавкой или метательными звездами, вынужден тебя разочаровать. Кстати говоря, зачем тебе нужны помощники? Награда за Серого и его подругу просится в руки?

– Нет. Молс таких распоряжений не отдавал.

– При чем тут Молс? С десятью тысячами соренов можно наплевать на гильдию. Начать новую жизнь, а? Неужели ни разу не думал о том, чтобы рискнуть?

Кнут ничего не сказал, но по тому, как напряглись его руки, Шен понял, что оказался прав.

– Неважно, о чем я думал, а о чем нет. Важно то, что я в итоге сделаю. С Серым и Лаэн без приказа Молса связываться не буду.

– Они так опасны?

– Причина не только в этом. Я никогда не пойду поперек полученного заказа. Какие бы деньги ни лежали на кону. Тебе не понять.

Шен пожал плечами, показывая, что за такую сумму лично он враз забыл бы о всяких глупостях.

– Что до Серого, – продолжил командир, – он, действительно, опасен. Знаешь его историю?

– Нет. Только то, что вы говорили между собой.

– Он пришел в Альстару десять лет назад. Откуда-то с юго-востока. Вроде бы до этого отстреливал Высокородных в Сандоне. С луком был на «ты», и не только с ним. Очень быстро поднялся. Стал забирать самые сложные и высокооплачиваемые заказы. Некоторым из гильдии, не самым последним людям в нашем ремесле, это не понравилось. Их нашли в один из дней в выгребной яме. Мертвыми. Гнус, кстати, тоже был в числе недовольных. Но вовремя остановился. Не то что его дружки. В общем, после этого случая к Нэссу не лезли. Да и Молс взял парня под крыло. Я с Серым работал один раз. Могу сказать, что он вполне заслуживает уважения. Лучший стрелок из известных мне.

– Что же он забрался в такую глушь при таких-то успехах?

– Никто не знает. Разве только Молс. Я могу только догадываться.

– Очень интересно послушать.

Кнут внимательно изучил физиономию Шена. Не насмехается ли? Но молодой человек оставался бесстрастен.

– Пора сходить, проведать Бамута. – Командир встал с лавки. – Идешь?

– Да. Так что насчет догадок?

– Зачем тебе?

– Должен же я знать, чего мне от него ждать. Молс ничего не сказал.

– Хм... – Кнут вновь испытующе посмотрел на собеседника. – До того как Йох не объявил награду за голову Серого, я считал его и Лаэн мертвыми. Семь лет назад в их берлоге нашли два обгоревших тела. Все, в том числе и я, решили, что Нэсса все же смогли достать какие-то прыткие ребята. А теперь... Теперь я начинаю думать, что он сделал все правильно. В то время, когда якобы умер наш друг, произошло одно громкое убийство. Цель уничтожили стрелой. Мастерский выстрел. Идеальный. Лучник находился в таком месте, что попасть можно было, только если твою руку направляет сам Мелот. Я знал лишь одного такого стрелка – Нэсса.

– То есть Серый убрал цель, надул всех, подхватил подружку и смылся?

– Вот-вот. Именно, что надул. Кстати, с подружкой они работали в паре.

– Слушай, а мне показалось или вы в самом деле боитесь ее куда больше вашего чудострелка?

Кнут недовольно поморщился. Гнус прав. Этот парень порой раздражает до умопомрачения.

– Она может вскипятить мозги, прежде чем ты вытащишь из ножен меч.

– Это умеют делать все женщины, – хохотнул Шен.

– Я серьезно. Она – единственная в нашем деле, кто обладает Даром. Все думают, что Лаэн только говорить может, не открывая рта, но когда я с Серым работал в связке – видел, как девчонка взорвала одному парню голову.

– Так что же? Она Ходящая, что ли? – пробормотал его собеседник.

– Нет.

– Огонек?

– Что ты пристал? Никто не знает. У нее есть Дар, и все. А кто она, какая разница? Хватит разглагольствовать. Нас ждут.

Выйдя на улицу, они пошли в сторону дома Нэсса. Шен задумчиво молчал, и Кнут начал жалеть, что не сдержал язык за зубами.

– А кто был целью?

Командир непонимающе посмотрел на спутника.

– Кого прихлопнул Нэсс, если ему пришлось так быстро делать ноги?

– Ходящую, – сухо сказал убийца и, не обращая внимания на изумленно раззявившего рот подчиненного, пошел дальше.

Порк плелся по лесу и с наслаждением грыз медовый пряник. Карманы его порванных штанов были забиты сладостями. Дурачок купил угощение на деньги, которые подарил ему добрый дяденька. Тот, который на лошади рыцаря, но не рыцарь. Но хороший. И лошадь у него хорошая. И меч тоже. А еще он приятель Порка. Ага. Они с ним самые большие друзья. Порк этому дядьке что хошь сделает. Даже пряником угостит. Надкусанным. Или нет! Даже целым! Пусть деревенские ребята не говорят, что он жадный и глупый. Вранье! Все вранье! Они вечно насмеются! За это он не даст им ничего вкусенького. Никогда! А чего со злюками делиться? Опять рубаху ему испачкают, грязью начнут кидаться. И играть в рыцарей не берут. Вот когда Порк убежит из дома и станет рыцарем, он всем покажет. Обзавидуются!

Сейчас он шел на любимую поляну. Там, рядом с быстрой речкой, можно в тишине и покое съесть всякие вкусности, не опасаясь, что кто-нибудь заметит. А то соберутся и начнут кланчить: «Порк, дай попробовать! Ну кусочек, Порк, а? Ты же добрый!»

У! Приставучие пиявки!

Дурачок с досадой пнул подвернувшийся под ногу гриб. Его шляпка взмыла в воздух и, ударившись о древесный ствол, разлетелась на множество кусочков.

– Ух! – с восторгом произнес Порк.

Он и не догадывался, что грибы умеют так здорово летать и разбиваться. Куда лучше, чем брюква старой Розы. Дурак покрутил головой, выискивая в траве приметные красные шляпки, но ничего такого поблизости больше не было. Разочарованно вздохнув, он вышел на поляну и тут же отступил обратно. Под прикрытые деревья.

Недовольно выпятил губу. Гадость какая! Его любимое место уже было занято! Возле старого дуба стояла жена плотника Анн. Что она здесь делает? Вот сейчас он дожует еще один пряник, а потом выйдет и скажет, что это его полянка! Пусть уходит.

Пока Порк догрызал пряник, ему пришла в голову еще одна идея. А вдруг Анн перестанет сверлить глазами это глупое дерево и решит искупаться в реке? А что? Сейчас время жаркое, может, и захочет. А он тут тихонько посидит и посмотрит. Увидит ее голой, да. Порк уже однажды видел голых девушек, они купались у Черного Омута в ночь на летнее солнцестояние. Правда, деревенские парни тогда заметили прятавшегося в кустах дурачка и крепко его отделили. Чуть все кости не поломали.

И тут Порк едва не подавился. Ствол дуба раскололся, словно по нему разом ударила топорами сотня злобных дровосеков. Все внимание пастуха оказалось приковано к дереву, поэтому он не сразу увидел, что с противоположной стороны поляны, из леса, вышли вооруженные люди...

Старый Морген – кузнец – встретил меня приветливо. Пригласил в дом, усадил за стол. Обижать его не хотелось, так что мы неспешно обсудили погоду, будущий урожай и соседей. Наконец пришло время перейти к делам:

– За мной должок был за инструменты. – Я положил на стол шесть солов.

– Не к спеху. Терпит, – пробасил кузнец.

– Деньги никогда лишними не бывают, – не согласился я. – К тому же, слышал, ты сватов для сына засылал. Так теперь каждый медяк на счету будет.

– Твоя правда, – широко улыбнулся Морген. – Что это ты с долгами стал рассчитывать? Никак уезжать собрался?

– Придется. По делам.

– Дела – это хорошо, – крикнул кузнец. – Это куда лучше, чем штаны протирать. Когда вернешься?

Я усмехнулся:

– Потому и пришел к тебе. Не вернемся мы. Дом продавать не хочу. Да и времени уже на это нет. Говорят, твоему Рену жену привести некуда. Стройку ты только месяц назад затеял. Долго ждать. Забирай дом. Пусть живут у нас. Хочешь – насовсем, хочешь – пока свою избу не справите.

Его такое щедрое предложение ошеломило. Он опять крикнул, откинулся на стуле, задумчиво нахмутив брови.

– Неожиданно. Мелот свидетель, очень неожиданно. Все же ты странный человек, Парс. Хозяйство вот так запросто даришь.

– Я щедрый. – При всем моем старании улыбка все равно вышла кислой. – Если уж отдавать добро, то в хорошие руки. Так берешь или нет?

– Беру, конечно. Дураком буду, если не возьму. Только за так брать что-то неловко. Люди говорить начнут...

– Люди всегда говорят, дай им только волю.

– Давай хоть часть денег выплачу. Бедствовать не будете.

Ответить я не успел. В голове огненной каплей взорвалось:

«Помоги!»

«Картина», пришедшая от Лаэн, показала мне поляну, где были спрятаны деньги, полученные нами за убийство Ходящей. Я, не попрощавшись, выскочил из дома порядком удивленного кузнеца и бросился на помощь. Бежал и безостановочно пытался «звать» ее. Тщетно. Лаэн, впервые на моей памяти, «молчала». В свете последних событий, предполагать можно было самое худшее. Я уже пять раз проклял себя за то, что позволил ей заниматься этим делом в одиночку.

Из оружия у меня с собой был только метательный топорик. Полезная вещь в лесу или на охоте, да и для убийства сойдет, но не против хорошо вооруженного противника.

Я пролетел через растущие вдоль реки заросли бредняка и сразу увидел, что происходит на поляне. Шагах в двадцати от меня в землю было воткнуто короткое копье. Рядом тело мужчины. Еще один труп – недалеко от кромки леса. На противоположном краю поляны лежала Лаэн.

Над ней стояли трое. Они смеялись и шутили, нисколько не переживая по поводу гибели своих товарищей. Один из них как раз спускал штаны.

Размытый круг рассек воздух, и метательный топорик с мерзким звуком угодил в затылок неудавшемуся насильнику. Он взмахнул руками и, обливаясь кровью, упал. Я выскочил на поляну и бросился в сторону двоих уцелевших.

Один из них начал поднимать арбалет, второй потянулся за мечом. Меня это не испугало. Я лишь оскалился да прибавил ходу. В тот момент, когда мерзавец нажал на спусковой крючок, я прыгнул. Арбалетный болт просвистел рядом, не причинив вреда. Я приземлился на руки,

гася скорость, перекатился через голову. Вскочил рядом с копьём. На ходу подхватил его и швырнул в меченосца. Копье угодило ему в живот, отшвырнуло назад и пришпилило к дереву. Наемный убийца закричал и вцепился в окровавленное древко руками.

Оставшийся противник, сжимая в зубах болт, лихорадочно пытался еще раз взвести арбалет. Я не дал ему такой возможности. Оказавшись рядом, упал на колени, пропуская над собой оружие, которым он пытался размозжить мне голову. Вкручивая кулак, ударил под колено. Тот вскрикнул, потеряв устойчивость, упал.

Я откатился в сторону, оказался рядом с трупом, в голове которого застрял мой топорик. Вырвал оружие, подскочил к начавшему вставать противнику. От души пнул ногой в лицо, ломая нос. А затем нанес два быстрых сильных удара, раскроив череп. К этому времени пронзенный копьём перестал корчиться и испустил дух.

Все было кончено.

Я бросился к жене. С облегчением увидел, что она жива и всего лишь без сознания. На левом виске надувалась огромная шишка. Кожа была содрана, и на щеку стекала кровь.

За спиной оглушительно щелкнула тетива, свистнул болт, послышался вскрик. Из кустов вылез Бамут с разряженным арбалетом. За ним появились Кнут и щенок, имени которого я так и не удосужился узнать.

– С почином тебя. Быстро они вас нашли, – крикнул Кнут.

При всем своем дружелюбии он не спускал глаз с моего у-така¹⁵. Я, стараясь не упускать их из виду, скосил глаза и увидел человека, в которого попал Бамут. Во время боя один из жаждущих легких деньжат отсиживался в укрытии. Когда я отвлекся на Лаэн, парень решил попытать счастья и получить награду. Что же. У него это едва не получилось.

Теряю хватку.

– Эта... Что бы ты делал, если бы мы не подросли?

– Справился бы сам, – хмуро ответил я.

Бамут к этому времени ловко перезарядил оружие и положил его на локтевой сгиб. Мне не понравилось то, как он на меня смотрел. Похоже, он тоже захотел заработать легкие деньги, поэтому бросил быстрый взгляд в сторону командира, ища одобрения. Кнут на невысказанный вопрос едва заметно покачал головой. Бамут улыбнулся, пожал плечами и забросил оружие за спину. А затем, перестав обращать внимание на присутствующих, начал потрошить карманы мертвецов.

Напряжение немного спало, но все старались не делать резких движений. Я по-прежнему стоял между Лаэн и людьми Молса. Их мирные намерения меня ни в чем не убедили.

– Что с ней? – осторожно поинтересовался Кнут.

Я не ответил, лишь подозрительно прищурился. Оставалось только догадываться, что на уме у этой тройцы.

– Если бы мы захотели, ты бы уже был покойником.

Я презрительно скривил губы и вновь промолчал.

– Лаэн надо помочь. – Кнут не унимался.

– Как вы нас нашли?

– Шли за тобой.

– Скорее бежали, – поправил командира молодой.

Он с интересом изучал труп, пришпиленный копьём к дереву:

– Ловко ты его.

– Вы решили взять на себя обязанности телохранителей? – Я, поколебавшись, убрал топорик за пояс. – Не слишком ли резкая смена работы?

¹⁵ У-так – метательный топорик у блазгов.

– Судя по всему, мы поменяли ее очень вовремя. Незнакомые морды. – Кнут скучаяще пошевелил носком сапога одно из тел. – Не из наших. Залетные. Так что с Лаэн?

– Жива.

– Я могу подойти к ней? – неожиданно спросил молодой и тут же наткнулся на мой колючий взгляд. – Ей сейчас требуется помощь.

– Я сам в состоянии помочь, – отрезал я.

Не собираюсь подпускать к своей женщине никого из этих господ.

– Я лекарь.

– С каких пор их в гильдии держат?

– Я не из гильдии. Кнут может подтвердить.

Кнут замешкался, но кивнул. Врут или нет?

Бамут не удержался:

– Кнут, чего Шен заливает?

Кнут поморщился и перевел разговор на другую тему:

– Что с теми жмуриками?

– У обоих лица сожжены, – ответил Бамут. – Я и не знал, что Лаэн так умеет. Теперь не поймешь, кто это. Эта... Так он чего, и вправду болячки лечит? Может, Молс с нами еще и лавку аптекаря пошлет в следующий раз? – Бамут хохотнул, но его шутку никто не поддержал.

– Так могу посмотреть? – спросил Шен.

– Ладно. – Я неохотно отошел в сторону. – Но учти...

– Не надо угроз! – Он зло сверкнул глазами.

Я встал так, чтобы одновременно видеть и лекаря и Бамута.

В лесу послышались испуганные крики. Появился Гнус. А я все беспокоился, где прячется этот крысеныш? Он тащил за шиворот упирающегося и вопящего Порка. Этот-то что здесь забыл?!

Рядом с маленьким убийцей дурачок казался великаном. Впрочем, Гнуса это обстоятельство ничуть не смущало.

– Глупая сволочь обделалась.

– Где ты его нашел?

– Ясное дело – в кустах. Подглядывал. А может, с этими был. Там, недалече, семь лошадей. Убить его?

Услышав последние слова, Порк взвыл. Захлебываясь в рыданиях и мольбах, он на коленях пополз к Кнуту. Я только и смог разобрать, что «не виноват» и «думал, голую тетю, а тут эти злые».

– Я ничего-о-о-о! Мне коро-о-ов пасти-и-и. Я пря-я-я-яники отдам!

– Успокойся, приятель. И пряник свой убери. Тебя никто не собирается убивать.

Лаэн застонала, я тотчас забыл о дурачке и бросился к ней. Рыкнул, и Шен предусмотрительно отошел в сторону.

Мое солнце открыла глаза.

Спокойно. Они мертвы. Я успел.

«Что эти здесь делают?»

«Шли за мной. Было не до того, чтобы еще и за хвостами приглядывать».

«Я слишком слаба. Сейчас справлюсь только с одним».

Я увидел, как в синих глазах начинает зарождаться магическая буря, и поспешно «сказал»:

«Стоп! Не стоит. Кажется, сегодня мы сможем разойтись мирно».

И вслух:

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова трещит. – Она осторожно дотронулась до шишки на виске. Поморщилась.

– Идти сможешь?

– Незачем, – подошел Кнут. – Гнус отправился за лошадьми. До деревни есть дорога?

– Есть. За рощей.

– Мы вас проводим. Я поговорил с дураком. Утверждает, что нападающих было больше, чем сейчас трупов. Считать не умеет, но, судя по количеству лошадей, – семеро. И один с крыльями, как у птицы.

– Да. Йе-арре, будь он неладен! – Выругалась Лаэн, с моей помощью вставая на ноги. – Его я встретить не ожидала. Подлетел со спины. Хорошо, что не убил.

– Интересно, где он может быть? – Шен перенес внимание на окрестные деревья.

Бамут взял арбалет на изготовку.

– Не суетитесь. Теперь уже не поймаешь. Смылась пташка. Эй, приятель! Хватит рыдать. Проваливай. Да, да. Ты! Дуй к своим коровам!

Дважды Порка упрашивать не пришлось. Он вскочил и, забыв о разбросанных на траве пряниках, бросился к лесу. Ну вот. Теперь растреплет по всей деревне, что здесь произошло.

– Ого! Что это?

Шен заглянул в чрево расколотого дуба и выудил оттуда мешок.

– Увесистый.

Я, ничего не говоря, протянул руку к находке. Парень от такой наглости опешил, хотел возмутиться, но увидел в моих глазах угрозу и отдал.

– Это ваше? – полюбопытствовал Кнут.

– Наше, – ровным голосом ответил я ему.

Больше они вопросов не задавали.

Глава 5

Рек умер тихо. Лук пропустил этот момент, так как провалился в беспокойную дрему, а когда проснулся, раненый уже находился в Счастливых садах. Везению приятеля пришел конец, а ведь ему удалось невозможное – вместе с Луком вырваться из Врат. Часть пути пришлось тащить Река на своем горбу, парень потерял слишком много крови. Затем стражник свернул в лес – дорога была опасна, и следовало переждать пару дней, пока все успокоится. В предгорьях, недалеко от крепости, находилась заброшенная серебряная шахта. Таких в окрестностях – десятки. Раньше здесь добывали серебро для имперских солов, но жилы истощились, и выработки пришли в упадок. Лук решил, что лучшего места для временного укрытия не найти. Вряд ли кто-нибудь из набаторских солдат полезет проверять оставленные более восьмидесяти лет назад штольни.

Теперь следовало выбираться наверх. Он нащупал топор, взял в руку фонарь, но зажигать не стал. Пробирался на ощупь до тех пор, пока опустившийся потолок не заставил встать на колени. Только тогда Лук решился потратить масло. Исходящий от фонаря свет был скуден, и рассмотреть, что делается в полутора жалких ярдах, не представлялось возможным. Он полз на четвереньках по влажному полу, кляня свою осторожность. Не стоило так далеко забираться. Вполне можно было остаться у входа. Никто бы их здесь не искал. Когда у него появилась возможность выпрямиться во весь рост, стражник облегченно перевел дух. Идти стало проще. Спустя какое-то время он ощутил слабое дуновение ветерка на лице и понял, что до выхода рукой подать. Миновав развилку, ведущую к нижним штольням, он перелез через кучу переработанной породы и увидел вдалеке бледный свет.

Вновь начали терзать сомнения. Вдруг наверху опасно? Поспешно затушив фонарь, он пошел медленно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. В какой-то момент Луку почудились чьи-то шаги, и он чуть не выпрыгнул из собственных штанов, но затем, кроме его испуганного дыхания, в штольнях не раздавалось ни звука.

Когда до выхода оставалось около двадцати ярдов, Лук услышал тихий шелест, снова испугался и лишь потом понял – это дождь. Стражник облегченно улыбнулся и повесил фонарь на скобу, с которой его и взял, спускаясь вниз.

Дождь оказался неожиданно сильным. Вечерело. Мир окутался паутиной серых оттенков. Резко пахло сырой землей, листвой, и ко всему этому примешивалось зловоние. Напротив шахты, не далее, чем в десяти ярдах, спиной к бывшему стражнику Врат, стоял худой, облаченный в рванье человек. Дождь, насквозь промочивший остатки одежды и редкие волосы, несколько не беспокоил этого странного субъекта.

Лук, не дыша, разглядывал неизвестного. Доходяга вел себя смирно и не имел при себе никакого оружия. Вроде безопасен. Хотя Проклятая до поры до времени тоже казалась мирной овечкой. Воспоминание о Кори заставило Луку покрепче взяться за топор. Мелот знает, чего ожидать от незнакомца.

– Лопни твою жаба, – пробормотал солдат и в сердцах сплюнул. – Встал прямо на дороге. Почему бы не насладиться дождиком в другом месте?

Лук начинал злиться. И на незнакомца, и на себя. Собственная осторожность, а точнее трусость, бесила неимоверно. У него топор. Он в два раза сильнее. Но до сих пор стоит там же, где и три минки назад. Еще раз сплюнув на каменный пол, стражник решил. Вышел под дождь и, набрав в легкие побольше воздуха, гаркнул:

– Эй ты!!!

Человек обернулся, и у Луки мгновенно пересохло во рту. Он увидел бледное, отдающее синевой лицо незнакомца, провалившийся нос, черные губы с запекшейся кровью и горящие изумрудным огнем глаза...

После бешеной скачки Га-нор натянул поводья и спрыгнул с седла. Рано или поздно лошадь устанет. На дороге оставаться опасно – из Врат обязательно отправят погоню. Следопыт не питал иллюзий, что случится потом. Один против многих – не воин, и пощады ему не будет. Так что надо как можно скорее уйти с тракта и затеряться среди предгорий, в лесах. А уж после этого прорываться к своим, на север.

Лошадь, опутив уши, смиренно стояла под проливным дождем. Животину жалко, но ничего не поделаешь. Га-нор достал кинжал, уколол в круп, громко заорал и тут же отскочил в сторону. Животное заржало от боли и бросилось сломя голову прочь. Сын Ирбиса посмотрел ей вслед, а затем с трудом начал подниматься по размытому ливнем склону невысокой горки. Наверху рос густой ельник – отличное место для того, кто хочет прятаться. Северянин, сжав зубы, упорно лез вверх.

Наконец, он достиг деревьев и, забравшись под колючие лапы, перевел дух. Дорога осталась внизу, но, несмотря на дождь и наступающие сумерки, ее было прекрасно видно из укрытия. Узкая лента, выходящая среди невысоких гор, недалеко от быстрой, сейчас коричневой от идущего дождя реки.

Минок через пять из-за поворота вылетел отряд преследователей. Два десятка злых набаторцев подгоняли взмыленных коней. Они пронесли мимо, даже не посмотрев туда, где скрывался следопыт. Га-нор надеялся, что сыны снежных червей не скоро обнаружат лошадь, а как найдут, пусть гадают, с какого места он решил пойти пешком.

Выждав несколько минок, беглец отполз от края. Встал, тщательно осмотрел место, где лежал. Толстый ковер намокшей хвои выглядел примятым. Плохо, но тут ничего не поделаешь. Всех следов не убережешь, как ни старайся.

Га-нор набросил на голову капюшон трофейного плаща и быстрой походкой направился вдоль дороги. Он пока не считал, что следует уходить далеко в горы, это слишком замедлит его продвижение. Лучше идти по склону, под прикрытием леса. Очень скоро предгорья превратятся в невысокие холмы, а затем – в равнину. Там можно свернуть на запад и попытаться достичь пограничных гарнизонов, если их конечно же еще не смяли передовые части врага. Следопыту хотелось надеяться, что разжиревшие от безделья южные армии будут в состоянии сдержать накатившийся на них вал синей¹⁶ саранчи.

Быстро темнело. Дождь не ослабевал ни на минку. Он шелестел в ветвях сонных деревьев, тяжелыми каплями срывался на землю, и северянину казалось, что лес ведет с небом неспешную беседу. Внезапно опытное ухо следопыта расслышало, как в умиротворенный шепот деревьев влетаются звуки боя.

Кто-то орал: «Ну, подходи, сволочь! Давай!» Кто-то в ответ надсадно хрипел и рычал. Га-нор обнажил меч и решительно двинулся вперед. Он не собирался оставлять опасность за спиной. К тому же кому-то требовалась помощь, и этот кто-то вполне мог оказаться союзником.

Звуки драки приближались. Ругань стихла, зато хрипы стали кровожаднее. Сын Ирбиса рукой отодвинул мешавшую обзору еловую ветвь и увидел каменистый склон с темным квадратным провалом – входом в заброшенную шахту. Чуть дальше стоял развалившийся от времени барак, на его крыше уже успели вырасти молодые деревья. Дорога, по которой раньше вывозили руду, заросла молодым ельником так, что осталась лишь небольшая поляна возле самой шахты. Груды крупных камней, извлеченных из земных недр; проржавевшие скобы; перевернутые вагонетки в лужах; сгнившие до основания массивные балки для укрепления сводов. Среди этого запустения шел бой.

¹⁶ Намек на цвета Наботора.

Га-нор сразу же узнал полноватого человека, несмотря на то что морда у парня была грязной, словно тот сутки просидел в руднике. Никаких сомнений не возникало – это Лук, стражник из гарнизона Башен. Любитель игры в кости и его должник.

Встав в проем двери барака, парень с явным трудом отмахивался топором от насккивающих на него противников. Один из оживших трупов уже получил свое и валялся у самого выхода из шахты с проломанной башкой. Зато четверка других, достаточно бодренько пыталась дорваться до вожаемого мяса. Солдат на свое счастье догадался выбрать удобную позицию, да и мертвяки друг другу мешали, иначе бы они давно до него добрались. На глазах у северянина Лук раскроил топором плечо одному из мертвецов и пихнул ногой в живот, отбрасывая от себя. Долго так продолжаться не могло. Стражник начинал уставать.

Га-нор выскочил из-под прикрытия деревьев и кинулся на помощь.

Ситуация – хуже не придумаешь. Тварь, которую поначалу Лук принял за живого человека, оказалась ожившим покойником. До этого момента ни с чем таким солдат не сталкивался. Да, слышал всякие сказки, но видеть – не видел. Некромантия в Империи под запретом. Это не Сдис, где колдуны занимаются черной магией и управляют покойниками.

Все происходящее казалось нереальным. Лук не поверил бы глазам, но ему пришлось это сделать. И быстро.

Тварь бросилась без всякого предупреждения. Как бы ни был испуган стражник, дело свое он знал и «убил» людоеда с первого раза, раскроив ему голову одним хорошим ударом. Прежде чем солдат успел прийти в себя и как следует выругаться, на него напали еще двое.

Первый мертвец все это время висел над входом в шахту. Мелот знает, что он там делал, но спрыгнув, едва не упал Луку на спину. Человека спасло то, что он решил поближе рассмотреть свой «трофей» и шагнул вперед. На помощь первому «прыгуну» из темноты шахты выскочил второй. Именно его шаги слышал солдат, когда вылезал из укрытия. Бывший стражник Врат возблагодарил судьбу, которая так счастливо развела их дороги. Встреть он чудовище во мраке подземелья, и еще не известно, чем бы это закончилось.

Лук успешно сдержал первый натиск, но тут из-за барака появились еще два незваных гостя. Человека загнали в ловушку. Пришлось задать стрекача и встать в дверях, чтобы сволочи подходили по одному. Пока ему удавалось отбиваться от наседавших существ, но с каждой уной это становилось все тяжелей и тяжелей. Руки наливались свинцом, а удивительно проворные покойники и не думали уставать.

Хрипы, горящие огнем зеленые глаза, щелкающие зубы, бледная кожа, запекшаяся кровь.

Он застонал от отчаяния, разрубил одному из врагов плечо, пихнул его в живот, второму почти перерубил руку, затем ткнул топором в морду третьего.

– Голову руби! По голове их! – внезапно раздался чей-то крик.

Двое мертвецов тут же обратили внимание на вновь прибывшего. Луку было не до того. Он только понял, что это человек, да успел разглядеть, что у появившегося спасителя плащ набаторских кавалеристов. Но с этим можно разобраться чуть позже. Сейчас незнакомцу было не до него. Он тоже сражался.

Два бросившихся на незнакомца покойника позволили Луку перейти в контратаку. Он отпрыгнул влево и вперед, развернулся, что есть сил саданул прыгнувшего следом за ним мертвеца по башке, но промазал и повалил того на землю, разнеся ему ключицу и грудину. Рванул топор на себя, крутанулся, сносил голову еще одному все-таки умудрившемуся подобраться сзади трупу. Вновь развернулся, обрушил град ударов на поднимавшегося с земли зомби. Противно треснула лопнувшая голова, оживленный магией некроманта труп дернулся и обмяк.

– Получили?! Лопни твоя жаба! – победно сплюнул стражник.

И только теперь солдат вспомнил о спасителе. Тот как раз закончил разбираться с «неприятностями» и вытирал клинок.

Лук не ошибся. Этот парень, действительно, оказался набаторцем. Из-за надвинутого на лицо капюшона было непонятно, как он выглядит. Человек закончил вытирать меч, пнул обезглавленное тело и пошел к солдату. Тот угрожающе взмахнул топором.

– Сдурел? – спросил незнакомец.

– Слушай, – просипел запыхавшийся за время боя Лук. – Я тебе благодарен за помощь, но здесь наши дорожки расходятся. Ты туда, я туда и забудем о нашей встрече.

– Последние мозги со страху потерял? – участливо поинтересовался союзничек и снял капюшон.

Лук так и остался с раскрытым ртом. Эту физиономию он узнал. Сухое скуластое лицо, орлиный нос, рыжие висячие усы и волосы точно такого же цвета, собранные в короткую толстую косу. Га-нор сын Ирбиса, пропавший в горах с отрядом Да-тура. Тот самый северянин, которому Лук проиграл в кости деньги.

– Не верю, – пробормотал солдат.

– Хочешь сказать, что я вернулся с того света и решил потребовать с тебя должок? – устало усмехнулся Га-нор.

– Если ты и покойник, то гораздо хуже этих тварей. Они хотя бы денег не просили.

– Да. Зато были бы счастливы сожрать твое сердце.

От подобной перспективы солдата передернуло.

– Как ты здесь оказался?

Га-нор не ответил, он повернул голову в ту сторону, откуда пришел, напряженно вслушиваясь в шум дождя. Лук поступил точно так же, но, в отличие от северянина, ничего подозрительного не услышал и поэтому осмелился задать вопрос:

– Что такое?

– Заткнись, – коротко бросил сын Ирбиса.

В сумерках лицо его заострилось, под глазами легли тяжелые тени, и он сам стал напоминать мертвеца. Лук невольно поежился. Прошла минка, началась другая. Дождь припустил еще сильнее, хотя это и казалось совершенно невозможным. У Лука не было плаща, и он давно промок, а Га-нор все еще всматривался в темноту и нюхал воздух. Лук тоже решил попробовать, но почувствовал лишь исходящий от мертвых тел смрад.

– Да в чем дело, лопни твоя жаба?

– Уходим.

– Что?!

– Уходим, и быстро.

– Но...

Сын Ирбиса зло сверкнул глазами:

– Я не собираюсь с тобой торговаться. Или ты идешь за мной, или остаешься встречать гостей.

Луку понадобилась уна, чтобы понять, о каких «гостях» идет речь. О тех самых, с зелеными глазами.

– Я иду с тобой, – поспешно сказал он и испуганно оглянулся по сторонам, ожидая, что вот-вот из-за густых елей выпрыгнут тощие темные силуэты.

– Пойду быстро. Надо сбить их со следа. Смотри под ноги. Не отставай.

Лук судорожно кивнул и, оглянувшись в последний раз, поспешил за северянином.

Несмотря на отсыревшие дрова, костер удалось разжечь без труда. Пламя трещало и плевалось искрами, густой дым уходил в дыру в крыше. А это сейчас самое главное. Лук замерз, как собака, и только теперь у него появилась возможность согреться и высушить одежду.

Полночи они бежали по темному лесу. Спускались со склона, вновь забирались, шли по хребту очередной горки и опять спускались. Затем долго брели вверх по течению по руслу

ледяного ручья. Трижды Лук поскальзывался на мокрых камнях и, ругаясь, падал в воду, и трижды крепкие руки северянина вытаскивали его за шкурку, ставя на ноги.

Сын Ирбиса превзошел даже непревзойденного капитана-покойника из башни Льда. Тот и то никогда не гонял подчиненных через подобную полосу препятствий. Лук устал: ноги болели ужасно; дышалось с трудом; топор казался невыносимо тяжелым; хотелось рухнуть и послать все в зад жабе, а еще лучше – божку северян. Но он этого не делал. Его подгонял страх. И поэтому уставший солдат упорно шел за Га-нором.

Тот почти не разговаривал, постоянно менял направление, вилял меж балок и ручьев, выписывал петли вокруг деревьев, часто останавливался, вслушивался, нюхал воздух и продолжал путь. В какой-то момент Луку показалось, что они ходят по кругу. Наконец, в тот момент, когда солдату уже стало все равно – сожрут его мертвецы или нет, они пришли.

В роще старых чинар, среди высоких кустов ежевики, стояла избушка охотников – леснянка. Древняя, заросшая мхом и чагами, с частично провалившейся крышей, выбитыми окнами и ненадежной дверью. Внутри пахло гнилым деревом, сыростью и пометом диких животных. Пол нещадно скрипел, в маленькой печке было мышиное гнездо. Как видно, это место давно никто не посещал.

Лук не понял, знал ли об этом убежище Га-нор, или они наткнулись на него случайно. Но спрашивать вопреки обыкновению не стал, посчитав, что ночевать здесь гораздо лучше, чем под дождем.

Следопыт так и не произнес ни слова. Молча разжег огонь, разобрав поленицу отсыревших дров, лежавших в углу. Затем закрыл глаза и, казалось, уснул. Солдат колебался, но с расспросами лезть не решился. Тихо встал и попытался закрыть дверь.

Засов отсутствовал. Так что стражник приспособил для этого кусок ствола молодого деревца. Ненадежно. Гнилые доски не выдержат даже двух хороших ударов. Лук это понимал, но с хоть так закрытой дверью чувствовал себя гораздо спокойнее. Во всяком случае, если сюда попытаются ворваться, то он об этом узнает загодя, а не в тот момент, когда враги окажутся внутри.

Оставались еще и окна. Он быстро изучил их. Маленькие. Лук через такие бы не пролез, но кто-нибудь достаточно худой – запросто. Ни хороших досок, ни гвоздей, ни молотка здесь не было. Оставалось уповать, что все противники будут большими и толстыми.

– Что произошло у Врат?

Неожиданно прозвучавший голос Га-нора заставил Луку подпрыгнуть:

– Лопни твоя жаба! Ты меня до смерти доведешь!

– Все будем у Уга.

– Это ты будешь у Уга, а я еще собираюсь пожить, – пробурчал Лук, проверяя сохнувшую одежду, и присел к огню. – У тебя пожарить ничего нет? Я сутки без еды.

Северянин порывлся в мешке, который взял из седельной сумки набаторской лошади. На свет появился сахар, луковица, немного сыра и четвертушка подсохшего ржаного хлеба. У Луки заурчало в животе.

– Надеюсь, ты в состоянии есть и рассказывать? – поинтересовался Га-нор, разрезая кинжалом лук.

Его товарищ кивнул и, принявшись за еду, начал рассказ. Сын Ирбиса слушал. Все произошедшее было куда хуже, чем он думал. В дело вступили Проклятые! Корь, именем которой его пугали еще в детстве. И, наверное, не только она. Сколько их? Шесть или восемь? Проклятые способны доставить гораздо больше неприятностей, чем все остальные. Если, конечно, Лук по своему обыкновению не врет. А он явно не врал.

Набатор уже какой век хочет отвоевать у Империи юг, расширить королевство. Вот и представился долгожданный случай.

– Должен был еще кто-то уцелеть.

– Может быть, – вяло ответил Лук. И слепому было видно, что он в подобное не очень-то верит. – Нам с Реком удалось уйти, потому что мы со стены сбежали по южной лестнице. Там до пятой калитки рукой подать. Вот только не думаю, что кто-нибудь еще последовал нашей дорогой. Набаторцев тьма навалилась. А еще мурты. Еле прорвались.

– Ходящая точно умерла?

– Да, – погрузился солдат. – Проклятая так вдарилась по стене, что...

Он не закончил, да это и не требовалось. Повисло тяжелое молчание. Оба смотрели в пламя костра и думали о своем.

Лук считал, что ему повезло. Га-нор – отличный следопыт и неплохой рубака. Шансов выжить с ним куда больше, чем в одиночку. Не приди северянин к нему на помощь, он уже был бы покойником.

– Га-нор, что теперь?

Сын Ирбиса неохотно ответил:

– Будем прорываться к своим. В Ельничий брод идти – смысла нет. Он давно уже взят. Я думаю, что Набатор пойдет на Окни и Гаш-шаку. Это лишит Альсгару поддержки, ну и даст им возможность собраться для удара в центр Империи. Как только уйдем от предгорий, надо поворачивать на запад.

– Мне надо в Альсгару, – неожиданно заявил Лук. – Ходящая просила рассказать про Проклятую.

– Все уже должны знать об этом.

– А если нет?

– Значит, узнают на днях. В любом случае ты опоздаешь.

– Я обещал.

Га-нор с удивлением посмотрел на упрямо поджатые губы собеседника. Вот уж чего он не ожидал – что игрок в кости держит слово.

– Если ты не пойдешь со мной, я пойду сам.

– Вокруг леса. Дальше начинаются болота блазгов. Пропадешь.

– Если все время брать западнее, можно выйти к Песьей Травке. От нее есть дорога до Альсгары.

– Думаешь, набаторцы ее не перекрыли? – фыркнул северянин.

– Стоит рискнуть. Ты пойдешь со мной?

– Давай поговорим завтра. Сейчас надо спать. Я очень устал.

– Тогда я покараулю, – вызвался разом повеселевший Лук. Северянин не отказал, обещал подумать. Уже хорошо. Гораздо хуже, если бы он уперся рогом и сказал «нет». Это упрямое племя переубедить все равно что заставить йе-арре продавать шелка за бесценок.

Солдат подхватил топор и сел у выхода, положив оружие рядом.

– Разбуди меня к утру, я тебя сменю. – Следопыт облокотился спиной о стену и закрыл глаза.

– Угу. Га-нор!

– Да?

– А откуда взялись те мертвецы? Разве они не должны быть рядом с некромантом?

– Должны. Но они могли и сбежать.

– Как?

– Ногами.

– А что насчет наших преследователей? Они не нагрянут под утро?

Сын Ирбиса раздраженно засопел, но все же ответил:

– Если только умеют ходить по следу. Но они слишком тупы для этого. Не должны найти. Если что, буди меня. А теперь заткнись и дай мне поспать.

Лук кивнул, но его собеседник этого уже не видел. Заснул.

Солдат повозился, устраиваясь удобнее. Покосился на дверь. Вздыхнул, протяжно зевнул. И, слушая шелест падающего на крышу дождя, стал смотреть в догорающее пламя...

Га-нор проснулся и услышал мирное посапывание. Не открывая глаз, северянин выругался. Лук уснул и, конечно, не разбудил его. Досадный промах, который мог стоить им жизни. Но на этот раз обошлось. Ночью никто не пытался проникнуть в убежище, а это означало, что им удалось сбить тварей со следа.

Хорошо.

Судя по бьющему в глаза солнцу – распогодилось. Да и утро, скорее всего, позднее. Сильны спать! Впрочем, не удивительно – напряжение последних дней требовало должного отдыха. Может, и правильно, что Лук не стал его будить. Хотя немного выспался.

Он вспомнил о вчерашнем разговоре. В предложении Лука есть здравая мысль. Вряд ли набаторцы соблазнятся деревушкой. К тому же шастать по лесу на пустой желудок – не дело. Еды мало, без арбалета охотой не проживешь. Да и времени на нее не будет. А в Песьей Травке можно запастись пищей, и одной бедой станет меньше.

Солнце так и било в глаза. Надо бы отодвинуться в сторону, но... не хотелось. Теплый свет – неожиданно приятное ощущение.

Внезапно на солнце набежала какая-то тень, лучи на одну уну перестали падать на лицо, а затем вновь вернулись. Всего лишь краткое, ничего не значащее мгновение, но все благодушное настроение северянина разом пропало. Он резко открыл глаза. Прищурился.

Через окно, которое находилось напротив того места, где он лежал, были видны кроны чинар и лоскуток ясного голубого неба. Значит, как он и предполагал, недавняя тень – не облако.

Он не шевелился и не отрывал напряженного взгляда от окна. Осторожно втянул ноздри воздух. Запах был столь легким, что даже чуткий нос северянина не сразу его почувствовал. Но когда уловил... Га-нор похолодел. Похоже, они крепко вляпались. Уг заberi, если он ошибся!

Воздух пах миндалем.

Лишь одно из известных ему существ издавало подобный запах. И сейчас оно было не на стороне солдат Империи. Если бы не тень, Га-нор никогда бы не почувствовал опасности. Умная тварь держалась с подветренной стороны, да и лес не молчал. Птицы щебетали вовсю, их не смущало присутствие постороннего.

Что теперь? Дождется ли враг, когда они выйдут из избушки? Насколько ему хватит терпения? Видят ли его сейчас?..

Северянин глянул на Лука. Тот спал, открыв рот. Солдат находился напротив второго окна и даже не подозревал, что его скальп уже сочли трофеем.

Уг, помоги! Как не вовремя!

Стараясь совершать как можно меньше движений, Га-нор нащупал возле себя хлеб, оставшийся после вчерашней трапезы. Пальцами отломил кусочек, скатал его в шарик. Примерившись, щелчком отправил полученный снаряд в лоб Луку. Тот открыл глаза.

Заметив встревоженное лицо северянина, Лук хотел спросить, что случилось. Га-нор поспешно сложил пальцы в предупреждающий знак, призывая сохранять тишину. Слава Угу! Понял. Пальцами сын Ирбиса попытался объяснить, что им грозит опасность. И это оказалось понятным. Теперь самое сложное – следовало отодвинуться от окна так, чтобы снаружи их стало не видно. Это придется сделать быстро и по возможности одновременно. Неизвестно, какое из окон «удерживает» противник.

К сожалению, солдат не имел понятия о сложностях кланового языка детей Севера, но обычную армейскую знаковую скороговорку знал, и рыжий, как мог, растолковал ему, что к чему.

«На счет три, – беззвучно прошептали губы следопыта. – Раз... два... три!»

Га-нор взвился в воздух. Свистнуло, раздался глухой удар. Следопыт рухнул на пол, перекатился и оказался под самым окном. Быстро осмотрелся по сторонам.

Лук был жив. Сейчас он прижимался к двери, а его полное добродушное лицо приобрело цвет простокваши. В стене, на которую солдат совсем недавно опирался спиной, торчала стрела в полтора ярда длиной. Толстая. С фиолетово-красным оперением.

– Проклятье! – выругался северянин.

– Кто это?! – заорал насмерть перепуганный Лук, очень живо представляя, как его прибывает к стене такой вот штукой.

– От двери! Живо!

Чего Луку было не занимать, так это сообразительности. Он не стал задавать глупых вопросов и сделал то, что было велено. Не отпуская топора, перекатился в сторону и на животе дополз до безопасного места между стеной и каменной печкой. Для стрелка здесь была мертвая зона.

Следующая стрела насквозь пробила хлипкие дверные доски, выйдя из них на две ладони. Останься стражник на месте, он бы уже был покойником.

– Лук! Живой?

– Вроде да. – Солдат дрожащими руками ощупывал себя. – Кто это?

– Сжегший душу!

– Настоящий?

Он тут же понял всю глупость вопроса. Случившееся не походило на сказку его старого дядьки-пропойцы.

– Откуда он здесь взялся?

– Спроси чего полегче, – буркнул Га-нор. Что тварь забыла в лесу – еще тот вопрос. – Сиди, не высовывайся.

– Ага.

Солдат понимал, что их приперли к стенке. Избушку держат на прицеле, не выберешься. Высунешь нос, получишь стрелу.

Га-нор пока находился вне видимости Сжегшего, но тот вполне может поменять позицию. Стараясь не поднимать головы и держаться стены, северянин поспешно переполз в угол, где его уж точно не могли достать.

Лук из противоположного края напряженно наблюдал за рыжим. Тот уселся и, поймав встревоженный взгляд товарища, невесело усмехнулся. Понимал, в какую навозную кучу они угодили.

– Сколько у нас времени до того момента, как ему надоест ждать? – спросил стражник.

Га-нор отметил, что солдат не запаниковал и оружие в руках сохранил. Молодец.

– Все зависит от того, как давно он здесь и что хочет получить.

– Скальп. Не знаю, как тебе, а мне мои волосы дороги.

– У тебя их не так уж много и осталось.

Лук кисло усмехнулся:

– И все же. Что ты намерен делать?

– Думать.

Как убить Сжегшего, когда нет арбалета? Пока до него добежишь – подстрелит, словно ожиревшую куропатку. Выйти через дверь – самоубийство, окна тоже отпадают. Как и крыша.

Сжегшие душу – хорошие лучники. Быть может, люди и нириты Брагун-Зана стреляли точнее, чем жители Великой пустыни, но и те и другие проигрывали Сжегшим в силе. Луки этих существ по мощности могли поспорить с самыми грозными из арбалетов. Стрела запросто пробивала большинство доспехов, созданных кузнецами этого мира.

Имперские войска сталкивались с воинами Сжегших несколько раз, еще до Войны Некромантов. И очень часто стычки заканчивались не в пользу людей. На землях Империи страшных лучников давно не видели, но помнили прекрасно. И если хотя бы малая часть рассказов о них правда – справиться со стрелком будет очень и очень непросто.

– Он может войти сюда?

– Не знаю, – после некоторого раздумья ответил Га-нор. – Если дурак, то может. Поглядывай за крышей. Если подберется к дыре, то перешелкает нас как орехи.

– Сам поглядывай. – Лук с решительным видом перехватил топор. – Лопни твоя жаба, но я не собираюсь здесь куковать.

Прежде чем сын Ирбиса успел спросить, что задумал солдат, тот начал рубить пол. Топор взлетал и падал, ломая старые доски. Уже через несколько минок в полу появилась дыра, куда без труда можно было пролезть.

За время работы парень запыхался и вспотел, но его добродушное лицо выглядело донельзя счастливым.

– У меня отец охотником был. Такие срубы всегда на ямах ставят. Пол от земли на ярд, если не на два поднимают. Когда зимуют, там продукты держат. До люка не добраться, он под окном, так что я вот...

– И что потом? Предлагаешь нам залезть под пол? – Вид у северянина был скептическим.

– Нет. Предлагаю сделать это тебе. – Увидев, как рыжие брови поползли вверх, Лук поспешно пояснил: – Я вряд ли смогу справиться с этой тварью. А ты сможешь.

– Как я выберусь из-под земли? Пророю подземный ход?

– Говорю же – изба стоит на сваях. Между полом и землей заколочено досками. Все гнилое. Много сил не потребуется.

– И пока я там буду ползать, ты собираешься отсидеться здесь?

Лук пожал плечами:

– Ползать с тобой я могу. Мне не зазорно. А вот к Сжегшему подкрасться – нет. Сам понимаешь, меня он за лигу услышит. Я в дозоры по Самшитовым горам не хаживал.

Га-нор задумался. Ему предложили выход. Риск, конечно, велик, но или рисковать, или сидеть здесь, пока не умрешь с голода. Или к Сжегшему придет подмога. Морти, например. Тогда уж точно будет поздно дергаться. И солдат прав. В этом деле от него толку никакого не будет. По лесу ходит, словно кабан, – шумит так, что даже глухой услышит. Больше вреда, чем помощи. Придется справляться собственными силами.

– Хорошо, сделаем по-твоему.

По стенке он дополз до окна, затем до печки. Теперь следовало миновать простреливаемый участок. Лук, понимая, что сейчас случится, отодвинулся. Га-нор прыгнул, вновь на долю уны опередив ударившую в пол стрелу.

– Упорная с-с-котина, – процедил сын Ирбиса.

– Главное, что косая, лопни твоя жаба!

Северянин согласно хмыкнул и, не мешкая, прыгнул в дыру. Яма оказалась неглубокой, где-то по пояс.

– Жди здесь. Если что, я тебе крикну.

– Я точно ничем не могу помочь?

– Помолись за меня, если тебе делать нечего, – предложил Га-нор и скрылся под полом.

Здесь царил полумрак, сильно воняло плесенью, сыростью и землей. Он быстро сориентировался и выбрал путь к глухой стене, находящейся напротив двери. Сжегший вряд ли станет следить за этим участком. Зачем, когда предполагается, что выходы есть только через дверь и окна?

При всем желании здесь было не разогнуться, поэтому пришлось ползать на четвереньках. По счастью, ползти было недалеко. Сын Ирбиса уперся в набитые на сваи доски, которые

являлись продолжением стены и закрывали просвет между землей и потолком-полом. Как и говорил Лук, часть досок прогнила, часть оказалась прибита абы как, да еще и неплотно пригнана друг к другу.

Га-нор чутко прислушался и не услышал ничего подозрительного. Щебетали птицы, гудели насекомые, ветер гулял в кронах высоких чинар. Следопыт приник к щели и внимательно осмотрел окрестности. Основной обзор закрывали ежевичные кусты, разросшиеся в колючую, прогибающуюся под крупными темно-фиолетовыми ягодами живую изгородь. Оставалось уповать на то, что враг сейчас находится в противоположной стороне.

Следопыт извлек кинжал, просунул клинок между досками и, используя оружие как рычаг, начал освобождать себе дорогу. Работая, северянин старался не переусердствовать, действовать мягко, чтобы, не дай Уг, древесина не треснула. Он справился с этой задачей. Дерево поддавалось без труда, и через несколько минок терпеливой работы сын Ирбиса вылез из-под избушки.

На животе, не поднимая головы, ужом проскользнул к ежевичным кустам. Не обращая внимания на колючки, с грехом пополам обполз эту преграду и, не вставая, по мху добрался до ближайшей чинары. Участок в жалких десять ярдов он преодолевал едва ли не пятнадцать минок. В искусстве сливаться с лесом в единое целое Га-нор мог поспорить даже с Высокородными. Ни одна веточка не треснула, ни один даже самый тонкий кустик не качнулся, да и птицы не встревожились.

Спрятавшись в углублении между массивными корнями дерева, северянин с облегчением перевел дух. Самое сложное позади. Дальше должно быть проще. У него появилось преимущество – враг не знает, что кто-то выбрался из избушки. И этим следует воспользоваться.

Правда, ползание по ежевичным зарослям не прошло даром. Все тело, включая лицо, оказалось покрыто неглубокими кровоточащими царапинами. Но с этой досадной мелочью можно разобраться после. Сжегший – не морт, нюх у него не такой сильный, кровь не почует.

Пригибаясь к земле, короткими перебежками от дерева к дереву Га-нор бросился прочь от леснянки. Он не оглядывался до тех пор, пока не ушел в лес ярдов на восемьсот.

Если бы не Лук, он убрался бы и дальше. Пока его хватятся, пройдет очень много времени. Можно так запутать следы, что его даже Проклятые не найдут. Но придется возвращаться. Уг не поймет, если сын Ирбиса бросит товарища. Расплата после смерти будет страшной. Загреметь в ледяную бездну Забвения – это ужаснее всяких Сжегших.

Изменив направление с севера на восток, он прошел еще около четырехсот ярдов. Стороннему человеку могло бы показаться, что северянин без всякого смысла бродит по лесу. На самом же деле Га-нор обходил засеянного лучника по крутой дуге, намереваясь зайти с тыла. Потребовалось больше нара таких «блужданий», чтобы он тихо и незаметно для противника подобрался к избушке с «лицевой стороны».

До нее оставалось не больше пятидесяти ярдов. Было прекрасно видно закрытую дверь с угодившей в нее стрелой и окно. Но вот Сжегший отсутствовал, хотя по всем предположениям должен был находиться где-то рядом. Именно отсюда он стрелял.

Сменил позицию?

Плохо. Тварь сидит в укрытии, а вокруг избушки множество деревьев и кустов. Есть где спрятаться. Северянин надеялся вычислить укрытие, из которого Сжегший мог бы с легкостью вести стрельбу по окну. Первая точка была на том месте, где залег он сам; вторая – шагах в тридцати от него, за чинарой. Но там, судя по всему, никого не было. Здесь враг тоже не прятался, иначе Га-нор уже отправился бы на суд Уга.

– Где же ты засел, гаденыш? – не разжимая зубов, процедил он.

Время текло, но следопыт так и не мог обнаружить противника. Все говорило о том, что тот с чего-то взял, да и ушел. Га-нор не стал прислушиваться к глупой мысли. Он был слишком осторожен для этого. Решил ждать столько, сколько потребуется.

Большой пестрокрылый дятел пролетел над леснянкой и привлек его внимание. Птица села на ствол соседней чинары и тут же вспорхнула, словно что-то ее испугало. Следопыт впился глазами в густой кустарник, растущий рядом с деревом. Раньше он тоже не оставил его без внимания, но никаких признаков опасности не заметил и благополучно забыл о кустах, начав искать другие укрытия, где мог бы спрятаться Сжегший.

Ничего подозрительного. Кусты как кусты. Мало ли чего испугалась птица?

Опять потянулись бесконечные минки ожидания. Но теперь Га-нор не спускал взгляда с кустов. И тут изменился ветер. В нос сразу же ударил запах миндаля.

Северянин едва не выругался. Тварь пряталась всего в двадцати шагах от него. А он был столь слеп, что, если бы ни птица, никогда не заметил врага. Слава Угу, что когда подводят глаза, есть еще и нос.

Он стал отползать назад и вбок. Когда расстояние сократилось до десяти шагов, увидел Сжегшего. Голова, тело по пояс и две руки. Вместо бедер и ног у этих существ был короткий чешуйчатый змеиный хвост. Для чего он им – было непонятно, передвигались твари исключительно по воздуху, так как благодаря магии свободно парили над землей. Правда, невысоко. По слухам, могли подниматься на высоту человеческого роста.

Череп создания казался деформированным. Слишком высокий и тяжелый лоб, ввалившееся личико, хрупкие скулы. Жиденькие волосы, в которые вставлено красно-фиолетовое перо неизвестной птицы. Желтая, сморщенная кожа, маленькая нижняя челюсть, лицо старика. Нос и уши отсутствовали. Вместо них – черные дырки. Длинные, худющие, точно у скелета, руки выглядели обманчиво слабыми, хотя без труда могли гнуть подковы. На сухое костлявое тело наброшена грязная серо-зеленая туника. Колчан с пучком стрел за спиной. Еще три стрелы воткнуты в землю. В руках тварь сжимала лук такого размера, что Га-нору стало нехорошо. Из подобного не людей, а снежных троллей убивать.

Все внимание лучника занимала избушка. По сторонам Сжегший не смотрел и даже не подозревал, что человек все это время прятался недалеко от него. Га-нор обнажил меч. Сделал шаг в сторону врага. Замер. Еще один. Вновь застыл. Сейчас он, как никогда, напоминал большого рыжего ирбиса. Кота, подкрадывающегося к ничего не подозревающей добыче.

Сжегший пошевелился, и северянин, перестав прятаться, бросился вперед. Тварь услышала, взвизгнула, развернулась, вскидывая лук. Она оказалась гораздо проворнее, чем думал разведчик.

Га-нор в последний момент отпрыгнул в сторону, и стрела рассерженным шмелем прожужжала рядом с ухом. Он замахнулся мечом, с «хаканьем» ударил сверху вниз, метя в лицо. Меч рассек кожу, плоть, кости, мозг и развалил голову противника. Тот выгнулся, подлетел вверх на добрых два ярда и, ломая кусты, упал на землю. Га-нор на этом не остановился и нанес уже мертвому Сжегшему еще три страшных удара. По мнению следопыта, тварь это заслужила.

Сын Ирбиса возвратился к избушке и забарабанил в дверь:

– Лук, вылезай!

Там завопили, и из дверей с опаской вышел солдат:

– Лопни твою жаба! Я уж думал, что тебя того...

– Это я его «того».

– Ты весь в крови.

– Ежевичные кусты постарались. Тварь меня едва не подстрелила.

– Он был один?

– Да. Убираемся отсюда.

– Я хочу посмотреть.

– Зачем?

– Никогда не видел живого Сжегшего.

– Он не живой.

– Мне без разницы.

Га-нор с безразличием пожал плечами, махнув рукой в сторону, где лежало тело. Вошел в избушку, быстро собрал вещи в сумку. С порога увидел, что Лук крутится вокруг трупа. Рыжий подошел к стражнику и тоже посмотрел на мертвеца. На взгляд следопыта, в нем не было ничего интересного.

– Успел убить нескольких наших, гадина. – Лук указал на три человеческих скальпа, привязанных к колчану Сжегшего.

– Туда ему и дорога, – угрюмо отозвался Га-нор.

Солдат вытащил из волос убитого красно-фиолетовое перо, чудом не испачканное кровью.

– Возьму на память. Знаешь легенду о том, как появились Сжегшие душу?

– Нет. – Следопыт попытался натянуть тетиву трофейного лука. Бесполезное занятие. Для этого дела требовался настоящий силач. Северянин с сожалением бросил оружие на землю.

– В стародавние времена народ Сжегших душу был точно такой же, как йе-арре. Они вместе жили на юге, за Великой пустыней. Это только потом крылатые¹⁷ перелетели на север. По легенде наших пернатых друзей, племя Сжегших, раньше называвшихся как-то по-другому, нарушило заветы своего бога, и тот наказал отступников. Отобрал у них крылья, сверг с небес и сжег души. Твари рождаются, живут, умирают, а дальше их ждет ничто. Никакого шанса попасть в Счастливые сады или в Бездну. Лишь пустота да забвение. Вот кто такие Сжегшие души.

– Они и без крыльев отлично летают. Собирайся, сказочник. Надо уходить.

– Куда мы сейчас?

– Куда ты и хотел. В Песью Травку. А там поглядим.

Лук, ничего не говоря, разгладил перо и убрал во внутренний карман старой куртки.

¹⁷ Так в Империи иногда называют народ йе-арре.

Глава 6

Набаторцы вошли в деревню ранним утром.

Сначала на дороге, ведущей в сторону Врат, появились всадники. Шестьдесят человек пролетели по центральной улице и собрались возле трактира, который быстро превратили в некое подобие военного штаба. Четверых постояльцев выгнали вон, и те сочли за лучшее не возмущаться и, тем паче, не оказывать сопротивления. Трактирщик, бледный от страха, дрожащими руками распахивал по карманам золотые монеты и, запинаясь, бормотал, как он счастлив принимать таких дорогих гостей. Оставшиеся солдаты быстренько разместились по соседним домам. Препятствий им не чинили, благо вели они себя на удивление вежливо. Не убивали, не грабили, к женщинам не приставали, за все услуги исправно платили. Было видно, что пришли надолго, а потому нет никакого толку воровать и тащить то, что и так стало твоим.

К обеду на дороге показался отряд пехоты. Человек восемьдесят, быть может сто, деревенские не считали. Эти тоже вели себя прилично, во всем слушались капитана-кавалериста и быстренько рассредоточились по избам. Половина воинов вооружилась топорами и начала рубить лес. Капитан собрался строить у дороги небольшой форпост и казарму.

В помощь солдатам отрядили дровосеков, но те оказались слишком горды и глупы, чтобы работать на чужаков. Схватились за топоры. Трех зачинщиков бунта по приказу офицера повесили, а еще двоих для остротки утопили в реке. Эти казни на остальных подействовали отрезвляюще, и больше с «древорубами» проблем не возникало – они исправно валили лес для будущей крепости. Бревна на лошадях свозили к Лысому камню. Именно там, по задумке командира набаторцев, должен был встать форт, перекрывающий дорогу к Вратам Шести Башен.

Один из солдат нашел запрятанную местными бутылку самогона. Напившись, стал приставать к жене кровельщика. Мужик не стерпел и дал обидчику в лоб. Тот схватился за меч, крестьянин – за вилы. Подоспевший патруль обезоружил мужчин, а капитан вынес суровый приговор – повесить обоих. Солдата за неисполнение приказа, кровельщика за то, что посмел поднять руку на воина Набатора.

На казнь согнали почти всех жителей деревни. Мужчины хмурились и сжимали кулаки, но не глумили, бабы их удерживали. Многие женщины плакали, опасаясь, что начнется расправа над всеми поселянами. Однако их опасения не оправдались. Никого из собравшихся не тронули. Капитан зачитал у виселицы обращение набаторского короля к своему народу, где говорилось, что деревни и города, занятые славной армией союзных войск Набатора и Сдиса, переходят под покровительство Его Величества на веки вечные. Всем, кто будет оказывать помощь армии и принесет присягу, став подданным Его Величества, будет разрешено спокойно жить, работать и не платить налогов в течение десяти лет. Также отмечалось, что за оказание сопротивления доблестной армии короля, за помощь вражеским войскам Империи и прочие преступления против короны всех нарушителей ждет смерть.

Казнь состоялась. И больше смертей не было.

– Не выйдешь. Во всяком случае, сегодня. Патрули. На окраинах – посты. Нам придется задержаться, – вынесла неутешительный вердикт Лаэн.

Она только что вернулась с улицы и рассказывала мне последние новости. Я слушал и крепил наконечник к узкому древку. Еще несколько заготовок лежали на столе. Рядом с ними – восемь уже готовых стрел. Тут же был лук со снятой тетивой. В отличие от простого¹⁸, который я использовал в последнем деле, этот был не таким большим и дальнобойным. Меньше

¹⁸ Простой лук – лук, состоящий только из одного материала, преимущественно из дерева.

прежнего, композитный¹⁹, с четырьмя изгибами²⁰. Но в умелых руках он становился не менее грозным оружием, чем его старший брат. А я без ложной скромности могу сказать, что считаю свои руки достаточно умелыми.

– Постараемся уйти ночью.

– Это неразумно. Первые дни они будут бдительны. Но когда поймут, что крестьяне никуда не собираются бежать, перестанут стеречь границы деревни. Надо выждать.

– Лаэн, мы не можем ждать. Ты вчера чудом осталась жива.

– Я была неосторожна. Больше это не повторится. – Она сердито перебросила косу через плечо. – Ты опасаясь новых гостей?

– Отчасти, – неохотно признался я. – Еще больше я опасаясь того, что сказал капитанчик во время казни. Союз Набатора и Сдиса. Понимаешь теперь, как им удалось взять Врата?

– Я не дура. – Она криво улыбнулась. – Некроманты. А за ними последние пять сотен лет стоят Проклятые.

– Которым неизвестно что здесь понадобилось.

– Раньше Империя была их страной. Решили зайти в гости.

– Сегодня тебе не очень хорошо удастся ирония, – очередная стрела была готова, и я положил ее рядом с остальными. Поискал глазами новый наконечник, выбрал широкий срежень. – Вам, госпожа, может грозить опасность.

– Не думаю, что к нам на огонек заглянут бывшие Ходящие.

– Полагаю, неделю назад никто не думал, что они решат заглянуть в Империю. Не знаю, что нужно Проклятым в нашей стране. Но теперь здесь опасно. Надо придерживаться прежнего плана и отправляться в Альсгару. У Йоха должок.

– До этого ли? Сейчас война.

– Гийянам всегда нужны деньги. От нас не отстанут, пока мы не уберем заказчика.

Лаэн покачала головой. Она поняла мою мысль, но все еще сомневалась:

– Ты упрям, как стадо самых туполобых ослов, Серый. Мы не справимся.

– А ты слишком надеешься на милость Мелота, Ласка. Как показывает опыт, неприятности на голову сваливаются неожиданно.

Я видел, что она хотела вспылить, «зарычать» на меня, но сдержалась. За прожитые вместе годы успела узнать, что тогда я еще сильнее заупрямлюсь и сделаю все по-своему. Поэтому она погасила порыв и примирительно улыбнулась:

– Давай подождем до вечера, дорогой.

– Давай, – легко согласился я. – Но ничего не изменится. Нам повезло, что живем на окраине. А то бы пришлось впускать в дом всякую мразь.

Известие о том, что Врата пали и в Империю вторглись враги, я принял спокойно. Да, конечно, сначала не поверил. Но набаторцев видел своими глазами, а значит, те как-то прошли через Самшитовые горы. Сделать это можно было лишь через Врата, и вряд ли гарнизон крепости пропустил врагов по доброте душевной.

На самом деле, мне было все равно, кто правит. Хоть Император, хоть Проклятые – все едино до тех пор, пока не трогают меня и мое солнце. Дают жить спокойно, и ладно. А все остальное – их личная грызня, и геройствовать за чужие интересы – глупо. Кому это надо? Разве что сказителям, только и мечтающим превратить опрометчивый поступок очередного мертвого «героя» в очередную слащавую легенду.

– Ну вот. Накликал, – вздохнула Лаэн, посмотрев в окно. – Стоит подумать о дряни, и она тут как тут.

Я увидел, что во двор входит четверка людей Молса.

¹⁹ **Композитный лук** – лук, состоящий из трех материалов – дерева, рога и сухожилий.

²⁰ Имеются в виду два изгиба на рогах и два по обеим сторонам гифа (рукоятки) лука.

Ласка опасно сузила глаза:

– Выпроводить их?

– Нет, – быстро ответил я. – Узнаем, что им на этот раз понадобилось.

Бамут и Гнус встали у ворот. Кнут и Шен подошли к крыльцу. Мы встретили их на пороге.

Кнут, увидев нас, благодушно поинтересовался:

– Как здоровье, Лаэн?

– С каких пор ты столь заботлив?

– С тех пор, как Молс попросил сопроводить вас до Альсары в целости и сохранности.

Я зарабатываю на вас деньги.

Она рассмеялась невеселым смехом:

– Честный ответ. Не ожидала от тебя.

Тот невозмутимо пожал плечами:

– Мы по делу пришли. Набаторцы забрали трактир в «вечное пользование», а нас попросили убраться, пока целы.

– Поражаюсь такой доброте. Наши бы, на их месте, чужаков вздернули. Особенно столь подозрительных. В вас за версту видно шпионов.

– Мелот от Тощей вдовы²¹ миловал. Мы не стали дожидаться, пока о нас вспомнят. Их капитан, несмотря на молодость, еще та скотина.

– Эта... И лошадей всех отобрали, ублюдки! – зло оскалился Бамут.

Я подбросил у-так в воздух. Поймал за рукоятку. Подбросил. Поймал.

– Что потребовалось от нас? Мы лошадей не вернем.

– На постой пустите?

Мы с Лаэн даже не переглянулись.

«Я им не доверяю».

«Я тоже, Нэсс. Но они могут оказаться полезны, если соберемся уходить».

«Проще без них. Иначе придется отрастить глаза на затылке».

«С ними будет легче выбраться из деревни. Затем постараемся избавиться».

У нее был практичный склад ума. Она никогда не спешила отказываться от полезных вещей. Умная девочка.

– «Нельзя стараться избавиться. Либо мы это сделаем, либо нет. Ты уверена, что сможешь справиться со всеми, дорогая?»

«Да».

«Хорошо, сделаем, как ты сказала. Но сначала попытаемся прорваться без их помощи».

– Не вижу у вас оружия. – Я цепким взглядом осмотрел непрошенных гостей.

– Сказали все сдать. Бамуту еще в глаз за припрятанный арбалет дали.

– Хорошо. Можете остаться. Южная половина дома в вашем распоряжении. Вход с огорода. Надеюсь, вы не причините нам хлопот.

В последние слова я вложил угрожающие нотки.

– Никаких хлопот не будет, – поспешил заверить Кнут. – Ты надолго собираешься здесь задержаться?

– Подумываю над этим вопросом, – неопределенно ответил я.

– Просто в качестве размышления... Сегодня набаторский патруль попытался остановить двух всадников, которые направлялись в вашу деревню со стороны Альсары. Как я слышал из разговора, эта парочка оказала отчаянное сопротивление. Так что пришлось расстрелять их из арбалетов. Но четверых солдат они завалить успели. Серьезные ребята.

– Хочешь сказать, это по наши души?

²¹ Имеется в виду виселица.

– В последнее время в Песьей Травке словно медом намазано для лихих людишек. Нам всем надо смываться. Даже набаторцы рано или поздно могут кого-то прозевать. Или за жителей возьмутся. Я не верю в их доброту.

– Мы подумаем.

– Воля ваша. Думайте. Мы подождем дня два, а потом свалим.

– А как же деньги? – насмешливо спросила Лаэн. – Неужели вы нас оставите?

– Деньги это, конечно, хорошо, но жизнь дороже. Я рядом с набаторцами теряю аппетит. А если нагрянут наши войска, то тут такая каша заварится, что выбраться из котла будет сложно.

– Поживем – увидим, как все обернется, – ответила Лаэн. – Обед не скоро. Раз остались, натаскайте воды в бочку у сарая.

– Я что, нанимался по хозяйству работать? – возмутился Гнус.

– Считай это платой за постой. И кстати! Отдай нож.

– Какой нож?! – тут же ощерился он.

Она улыбнулась:

– Никогда не поверю, что набаторцы смогли его у тебя отнять. Если хочешь здесь жить, то только по моим правилам. А они гласят – никаких ножей за пазухой!

Гнус набычился, собираясь начать спор. Кнут тяжело нахмурился. Маленький убийца бросил на командира недовольный взгляд, но невысказанному приказу подчинился. Извлек из-под куртки свое излюбленное оружие. Бросил к моим ногам.

Я поднял:

– Получишь, когда будешь уходить. Не забудь про воду. Кто работает – тот ест.

Порк был не согласен с мнением окружающих. Он считал, что появление набаторцев здорово и ужасно интересно. До сего дня деревенский дурачок никогда не видел столько вооруженных людей в одном месте.

Наверное, половина из них была рыцарями. Да. К тому же повешенных он тоже никогда не видел. А это было ужасно познавательно и смешно. Хлоп, и они начинают так забавно дергать ногами и хрипеть! А еще у них языки вываливаются и синими становятся, точно ежевика. Порк любил ежевику. Она сладкая, вот только очень колючая. Больно. Надо помолиться Мелоту, чтобы он все шипы согнал с кустов, тогда можно смело лакомиться вкусенькими ягодками себе на радость.

А еще те повешенные, точнее солдат, штаны намочил, когда уже был мертвым. Испугался, наверное, к Мелоту в Счастливые сады идти. Ну и дурак. Да.

Кровельщика, конечно, жалко, он никогда Порка не трогал... Хотя нет. Так ему и надо. Как-то попросил Порк одолжить ему денег на меч, чтобы можно было дев спасти, а мужик его взащей выгнал. Так что пусть теперь повисит и ворон покормит, подумает, за что его наказали.

Нет, все же зря люди в деревне говорят, что набаторцы гадкие. Ничего они не гадкие. Дровосекам мигом показали, кто тут главный теперь. Дали им по мордам, так что те сразу тихонькими стали. Вон лес рубят так, что щепки летят. Небось не хотят повешенными быть. Синеть и языки вываливать. И в речке тонуть не хотят. Так что добрые эти солдаты. И капитан у них добрый. И умный. Прямо как сам Порк. Да. Как он сразу догадался, что дровосеки злые, когда Порк пожаловался, что они ему рубаху порвали. А капитан рассмеялся и сказал, что их накажет. Потом. Как-нибудь. Очень хотелось посмотреть, как их будут наказывать. Это куда интереснее, чем коров пасти. Угу.

Не злые набаторцы. А те, кто так говорит, – дураки. Вот пойдет Порк и расскажет своему другу капитану, что о его людях думают.

Поначалу он не надеялся, что солдаты станут его друзьями. Они казались страшными и ужасно злыми. Вытолкали его взащей вместе с рассказами о рыцарях, но, поняв, что он очень-

очень умный, начали с ним разговаривать. С удовольствием шутили и много-много смеялись. Они были рады его видеть и всегда спрашивали, когда Порк станет рыцарем? Даже обещали дать самый большой настоящий меч и научить с ним обращаться. Пока сказали тренироваться с палкой. Он выломал целое деревце, представил, что это меч, и пошел рубить головы брюкве старой Розы. Ух и разоралась же та на него! Чуть клюкой не кинула. А когда Порк сказал, что ему разрешил сам капитан, стала проклинать «тупого дурака». Кого карга обозвала дураком, Порк так и не понял. Но сегодня вечером он точно нажалуется на препротивную старуху господину Наю. Пусть тот сам у нее узнает. И повесит гадкую вместе с дровосеками. Чтобы тем скучно не было. А Порк посмотрит и посмеется над зловердными.

Пастух вдруг вспомнил, что теперь дровосеков повесить будет очень сложно. Он самолично видел, как их изрубили в капусту. Позавчера это было. Ага. Порк, как всегда, пас проклятых ленивых коров на старом месте, недалеко от Лысого камня. Точнее коровы сами паслись, а он наблюдал за тем, как строится деревянный форт. Это была самая настоящая крепость, пускай половина частокола еще не поставлена. Зато уже успели построить вышку, и на ней сидел самый настоящий лучник и смотрел за дорогой! Он в любого мог стрельнуть. И попасть. Они храбрые – эти лучники. И меткие! Почти как Гнут из деревни, только не одноглазые...

Так вот, дровосеки, а с ними некоторые из солдат строили крепость, а тут по дороге от Альсары ка-а-к выскочат! Имперские солдаты. Человек сорок. Все на конях, кричат, оружием машут. Начали рубить всех, кто под руку попался! Порку даже страшно стало – и дровосеков порубили и солдат! Даже не стали разбираться, кто хороший, а кто злой. Древорубов надо было убивать! А с набаторцами можно было дружить. Вечером встретиться, поговорить об оружии и о девах, выпить шафа у трактирщика. Вкусный у него шаф! Набаторцы теперь Порка каждый день угощают и смеются, когда того ноги не держат. Но он на них не обижается. Нет. Он же понимает, что они по-доброму веселятся. К тому же скоро ему меч подарят. Нельзя с ними ссориться.

А имперцы злые – живыми не ушли. Капитан из деревни прискакал на помощь со своими воинами. И каждый воин вез с собой еще по лучнику. Те с лошадей спрыгнули и как начали палить! Ого-го! А еще тот, что на вышке сидел, – помог. Ух, как они их стрелами всех обсыпали! Многих поубивали. Ага. А тех, кого не смогли, всадники набаторские порубили. Ну и правильно. Так им и надо! А деревенские их еще друзьями считали. Ну не дураки ли?..

Потом Порк смотрел, как набаторцы осматривают тела мертвецов. Забирают их лошадей, оружие, деньги, красивые сапоги. Много-много всего интересного. Он тоже хотел. Вот только к покойникам его никто не подпустил. Так что все досталось не ему.

И в этот самый момент Порк вспомнил о других мертвецах. Тех самых, в лесу, на поляне. Которых убил страшный плотник. Должны же у них были остаться всякие там деньги и другие красивые и нужные штуки. Их можно себе оставить или поменять на вкусняшки. Ага. А с виду этот Парс таким добрым казался, а убил неизвестных дядек так же быстро, как и набаторцы летучий отряд имперских солдат. Хорошо, что Порк не догадался никому рассказать о том, что случилось. А то бы всех покойников себе другие разобрали, а он опять с носом остался. Какой все же он умный!

У дурачка появилась цель. Он решил завладеть имуществом мертвецов, а потому, оставив коров на попечение Мелота (старательно помолившись ему), отправился в лес. Идти пришлось далеко, через всю деревню. Порк боялся, что попадется на глаза отцу, и тогда точно несдобровать. Но повезло. Никто не остановил.

В лесу Порк начал сомневаться.

А вдруг славных мертвецов нашел кто-то другой и обобрал? Что тогда? Зря перся. Не будет у него полезных вещей и всяких вкусняшечек. А вдруг покойники куда-то делись?

Чем ближе он подходил, тем страшнее ему становилось. Так некстати вспомнились истории, которые прошлым летом рассказывал сын мельника. Про мертвяков, которые оживают,

вылезают с кладбищ и жрут всех, кто мимо них ночью ходит. А тех, кто не ходит, а бегают, вначале догоняют, а потом уж жрут. Во время одной особо страшной истории подкравшийся Льон схватил Порка за плечи и гавкнул. Дурачок со страху испачкал штаны и неделю заикался. А все смеялись и звали его тухлой репой.

В нос ударил неприятный запах, и дурак понял, что покойные никуда не делись. Он увидел поляну, человеческие тела, порядком объеденные хищниками и вороньем, и чужака, внимательно осматривающего трупы. Смердящий воздух и тысячи мух, слетевшихся на мертвечину, того несколько не волновали.

Порк от разочарования едва не заплакал! Опоздал! Теперь все заберет этот! Этот! Все деньги и другие вещи. Пропали его вкусняшки и богатство! Мерзкий гад!

Человек стоял к Порку спиной. Высокий. Широкоплечий. В руках посох черного цвета со странным набалдашником, но дурачок никак не мог понять, что в нем не так. Человек оказался одет в длинный белый плащ с капюшоном, подпоясанный широким черным поясом, на котором висел страшный кривой меч.

Да. С ним не поспоришь. У него оружие. Как достанет, как срубит голову, если начнешь просить, чтобы поделился находками.

Расстроенный Порк тихонько заскулил, кулаками размазывая слезы по грязным щекам.

Неизвестный обладал отличным слухом. Он тут же оторвался от изучения покойников, резко обернулся и посмотрел на кусты, в которых прятался пастух. Лицо «конкурента» скрывал капюшон, и Порк видел лишь темный провал. Когда пастух «наткнулся» на тьму под капюшоном и ощутил пронизывающий до костей взгляд, то испытал новый приступ страха. Вжался в землю, затаил дыхание, надеясь, что незнакомец его не увидит.

Но тот и не думал отворачиваться. Все так же стоял и смотрел. Сердце Порка готово было вырваться из груди от страха. Он уже пожалел, что вообще пришел сюда. Лучше бы пас коров. Ну их, эти сокровища. Жил без них и еще сто лет проживет. Сейчас дурачок хотел лишь одного – чтобы жуткий человек ушел.

Он медленно стал отползать назад, и тут «белый» быстро направился в его сторону. Теперь Порк видел, что набалдашник посоха вырезан из цельного куска черного камня, которому придали вид черепа. Пастух замер, пораженный ужасом.

– Выходи, – приказал «капюшон», останавливаясь перед зарослями. – Я не причиню тебе вреда.

Порк не посмел послушаться. Попискивая от страха, стараясь не смотреть на заговорившего с ним, выбрался на поляну. Какую-то долю уны человек рассматривал его, а затем снял с головы капюшон.

Теперь он перестал казаться ужасающим и зловещим. Ненамного старше Порка. Загорелый, черноволосый, с высокими скулами, тонкими чертами лица, красивыми карими глазами и аккуратно подстриженной бородкой.

На дурачка незнакомец смотрел с любопытством, но без всякой враждебности.

– Ты из деревни?

Порк поспешно кивнул, стараясь показать, какой он хороший.

– Знаешь, что тут произошло?

Вновь кивок. Он не собирался врать.

– Кто их убил?

– Парс, плотник.

– А этих двоих тоже он? – Человек указал на два ближайших к ним тела.

Пастух наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Затем отрицательно покачал головой:

– Не-е. Эти уже были мертвые, когда Парс прибежал жену выручать.

– Жену? Это она сожгла им головы?!

– Не знаю, – не стал обманывать Порк. – Я не видал.

– Интересно, – пробормотал неизвестный и задумчиво перебрал пальцами по посоху. – Знаешь, где живет эта женщина?

– Ага. Здесь. Неподалеку.

– Проводишь меня?

Порк согласно кивнул и икнул от удивления. Дурачку показалось, что череп на посохе ему улыбнулся.

В день, когда в мой дом завалилась четверка людей Молса, уйти из Песей Травки не получилось. Набаторцы при всем своем дружелюбии за выходами из деревни следили бдительно. Предпринятая нами с Лаэн ночная попытка прорваться к лесу едва не окончилась провалом. Два секрета, плюс частота патрулей, плюс смотровые на вышках и освещенные кострами поля. Пришлось вернуться несолоно хлебавши. Во дворе мы наравались на Кнута. Тот не удивился возвращению вооруженных и по-походному одетых хозяев. Лишь многозначительно хмыкнул, дожеввал репу и, так ничего и не сказав, тихонько насвистывая, ушел в отведенную «гостям» половину.

Все последующие дни я ходил хмурый и злой. И только Лаэн, давно привыкшая к подобным всплескам дурного настроения, могла меня успокоить. Я был готов кидаться волком на любого. Ничего неделанье выводило из себя. К тому же я чуял грядущие неприятности и ощущал себя загнанным в ловушку зверем.

Кнут старался лишний раз на глаза нам не попадаться. Остальные также вели себя тише воды ниже травы. Даже Шен и Гнус перестали цапаться, хотя в первый вечер только этим и занимались. Сейчас они заключили нечто вроде временного перемирия, «не замечая» присутствия друг друга. Гости видели нас дважды в день – за обедом и ужином. Все молчали, быстро съедали предложенную снедь и уходили восвояси. Правда, Гнус ни с того ни с сего взял себе за правило наполнять огромную бочку у сарая водой из колодца. Впрочем, никто против такой самодеятельности не возражал.

Спустя неделю после появления набаторцев Кнут решился на разговор:

– Мы через пару дней уходим.

Я в этот момент мрачно ковырялся ложкой в похлебке и насмешливо поинтересовался:

– Планируешь за это время подготовиться?

– Да. Надо уточнить маршруты патрулей, смену постов.

– Это я могу тебе рассказать и сейчас.

– Тогда что вас останавливает?

– Желание жить долго и счастливо.

– Ясно, – процедил он и надолго задумался. Затем, почему-то посмотрев на Гнуса, спросил:

– Никаких шансов?

– Ну... шансы есть всегда. – Я оставался ехидно-насмешлив. – Но тихо слинять не удастся. Это я гарантирую. А с боем прорываться не очень разумно. Во всяком случае, на данный момент.

– Неужели до леса не добраться? – изумился Шен.

– И что потом? Здесь единственная дорога до Альсары. Леса на лиги вокруг. А дальше топи. Блазги со своими плотинами постарались. Не пройти. Единственный приемлемый путь – тракт. А за ним наблюдают.

– И все же мы рискнем. Дольше здесь оставаться опасно.

– Воля ваша. – Я безразлично пожал плечами.

– Ты боишься? – язвительно спросил Шен. Кнут предостерегающе зашипел на него, но лекарь и бровью не повел.

Я, вопреки ожиданиям всех присутствующих, не вспылел, а лишь лениво потянулся:

– Вот что я тебе скажу, щенок. В тот день, когда я куплюсь на столь глупую уловку, можешь потребовать с меня сто соренов. Если, конечно, ты не испугаешься.

Гнус заржал от восторга, что его противника так ловко отбрили. Хлопнул рукой по столу. Но, прежде чем Шен успел сказать ответную гадость, его прервали:

– Эта... У нас гости! – предупредил Бамут, все это время сидевший у окна и строгавший из деревянного обрубка некое подобие человечка.

Увидев вошедшего во двор, Лаэн стала блее, чем одежда незнакомца, и грязно выругалась.

– Никому не дергаться. Ведите себя смирно, – сказал я, убирая под стол топорик.

– Он же один, – удивился Гнус.

– Гнус, сиди тихо! Я не собираюсь отскабливать твои кишки со своего потолка. Кнут, надень на него поводок. И на этого молокососа тоже.

Шен на «молокососа» не обиделся и, кажется, даже не услышал. Он был так же бледен, как мое солнце. Гнус немного присмирел и спросил с жалобной ноткой:

– Да объясните мне, наконец, что это за хмырь?!

– Просто сиди тихонько, а? – Даже всегда спокойный Бамут начал нервничать. – Мы можем уйти в другую половину дома.

– Толку-то? Он нас все равно учует, – с какой-то безнадежной тоской произнес Кнут. – Приперся, гад! Вот ведь вляпались! Что ему здесь надо?

– Сейчас узнаем. – Лаэн отбросила упавшую на глаза светлую прядь и вышла навстречу некроманту.

Уну они смотрели друг другу в глаза. Лаэн надеялась, что выглядит достаточно испуганной.

Некромант оказался молод. Лет двадцать пять, не больше. Но судя по посоху – мастер Четвертого круга²². Для такого возраста – это чрезвычайно много. «Значит, мальчик талантливый – нечего сказать. – Лаэн старалась принять правильное решение, понимая, что главное – не переиграть. – И, наверное, умный. С ним может возникнуть множество проблем. Как некстати он пришел! Неужели у колдуна талант Ищущего²³?! Почуял Дар?»

Она поспешно поклонилась, пряча глаза, чтобы Белый не прочел в них ничего лишнего. Быстро, глотая слова, затараторила:

– Что привело доброго господина в этот дом? Он желает заказать что-то из дерева? Не извольте сомневаться, добрый господин, все сделают, как вы захотите, а если что не так, так у любого спросите, каждый ответит, что тут живет лучший плотник в деревне. На прошлогодней ярмарке, что в Ельничьем броду проводилась, то...

– Помолчи, – негромко оборвал ее гость. Весь интерес в его глазах пропал. Теперь он обшаривал двор. – Мне сказали, здесь живут Анн и Парс-плотник.

У Лаэн больно кольнуло сердце.

– Вам правильно указали дорогу, добрый господин, – подобострастно ответила она, про себя пожелав проклятым болтунам удавиться на собственных кишках. – Это здесь.

– Я хочу их видеть. Немедленно.

– Я Анн. Мой муж в доме.

Цепкие карие глаза впились в ее лицо. Черные густые брови удивленно поползли вверх. Неожиданно некромант усмехнулся:

– Или меня обманули, или ты умней, чем кажешься.

²² В сдисской магической школе полноправные маги входят в Круги Мастерства. Наивысший круг – Восьмой.

²³ **Ищущие** – носители Дара, способные обнаруживать в других людях «искру».

Лаэн постаралась сохранить угодливое лицо. Смотреть на сдисца она больше не решалась. Боялась, что взгляд ее выдаст.

– Веди в дом! – не дождавшись ответа, резко бросил он.

– Пожалуйте, пожалуйста, – заторопилась она. – К столу проходите, добрый господин. Чем богаты, не побрезгуйте.

Некромант вошел в дом, увидел пятерых мужчин. Хмыкнул:

– Много же у тебя мужей.

– Я – муж, – негромко отозвался я, поднимаясь со стула. – А это родичи. Погостить приехали.

– Гости – дело хорошее. – Сдисец поправил висящий на боку кривой меч, сел за стол. – Да ты садись, не стой, плотник. Знаешь, кто я?

– Знаю.

– А твои... родичи? – Последнее слово он произнес с усмешкой.

– Знают.

– Это хорошо. Значит, не будут делать глупости и избавят меня от труда портить вашу избу. Хозяйка, ты, кажется, обещала накормить. Я с дороги голодный.

Спустя несколько мгновений перед ним появилась тарелка с сытной куриной похлебкой, ломоть ржаного хлеба, масло, лук, крынка со сметаной и кружка с холодным мятным шафом.

Колдун, ни на кого не обращая внимания, начал с явным аппетитом есть. Все молчали. Бамут, словно ничего не произошло, продолжал строгать из деревяшки смешного человечка, но его выдавали вспотевший лоб и некоторая нервозность в работе. Я видел, что он волнуется, рука с ножом едва заметно подрагивала, и четырежды стружки были толще, чем требовалось. Шен и Гнус сидели у печки. Первый со скучающей физиономией пытался рассмотреть сквозь потолок небо. Второй, наконец-то поняв, кто заявился к нам в гости, сплел пальцы на руках и бормотал себе под нос то ли молитву от злой магии, то ли проклятие.

Я вяло жевал хлеб. Мы с женой успели переглянуться, и она подала знак «молчание». Лаэн не знала, сможет ли некромант услышать мысленный разговор, и не хотела это проверять.

– Вкусно готовишь, – сказал незванный гость, отодвигая от себя опустевшую тарелку. – Сядь.

Она, поколебавшись, подошла к столу и села напротив колдуна. Рядом со мной.

– Слышал я, что в лесу, неподалеку, убили кого-то. Знаете об этом?

– Нет, добрый господин.

Некромант улыбнулся, кивнул. Было непонятно, поверил он ей или нет.

– Странные убийства, хочу сказать, – ни к кому толком не обращаясь, произнес он. – Есть среди мертвецов двое. Можно подумать, что бедняг сунули головами в кузнечную печь. Об этом вы, конечно, тоже ничего не слышали?

– В лес редко ходим. Мелот миловал, мертвых не видели. Да и в деревне о них не болтали, – ответил я.

– А тебе я слова не давал! – Карие глаза нехорошо блеснули. – Так что, Анн? Знаешь ты что-нибудь об этих несчастных?

– Нет, добрый господин.

– Не ври мне, – мягко предупредил он ее.

– Я говорю правду, – произнесла Лаэн.

А я только вспомнил о Порке, который нас видел. Проклятого болтливого дурака следовало утопить в реке, пока была такая возможность! И вот, пожалуйста, – оставили болтуна в живых.

– Посмотри на меня. – В голосе колдуна слышалась все та же обманчивая мягкость. – В глаза.

Она собрала волю в кулак и сделала то, что он просил. Некромант смотрел долго. Невыносимо долго. Я напрягся, готовясь, если что, перевернуть на эту тварь стол. А там уж как получится.

Неожиданно сдισεц расхохотался:

– А у тебя талант, девочка. – Слышать «девочка» от куда более молодого, чем она сама, человека – почти смешно. Я видел, как мое солнце сдержала едкую фразу, готовую вот-вот сорваться с языка. – Врешь ты умело. Или не врешь?

– Мне незачем врать. Да и как бы я посмела обманывать вас?

– О! Это было бы очень... неосмотрительно с твоей стороны. Ложь ни к чему хорошему не приводит. Ты должна это понимать. И знаешь, наверное... я верю тебе. Что делать такой хорошей хозяйке, как ты, в лесу, где что ни поляна – покойники?

Некромант явно издевался. Он знал! Знал, что она была там, почувствовал остатки магии. Такое ведь возможно.

Но отчего-то продолжал игру.

Кнут небрежно подтянул под себя ноги, чтобы удобнее было прыгнуть колдуну на спину. Я понял его задумку, но, наоборот, расслабился и положил руки на колени, поближе к у-таку.

– Откуда приехали «родичи»?

– Из Альсары, – негромко произнес Шен.

Белый расцвел в счастливой улыбке, словно они с лекарем оказались земляками.

– Хороший город. Говорят, красивый. Я и мои братья намереваемся туда со временем заглянуть. Очень интересное место. Многие из Альсары обладают Даром. У тебя он есть, Анн?

– Нет, добрый господин. Я не из этого города.

– Печально. – И, продолжая рассуждать вслух, закончил: – На Ходящую ты не похожа. Огонек? Я не ощущаю твоего жара. Кто ты? Самоучка? Если да, то как ваши Ищущие упустили такую силу?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, добрый господин.

– Может, и не понимаешь, – не стал спорить он. – А может, и понимаешь. Мне, увы, не узнать. Это очень печально, знаешь ли. Поэтому вскоре мы продолжим наш разговор. Но в присутствии еще одного... человека. Я сегодня же сообщу ему о тебе. Думаю, ты будешь польщена оказанной честью.

Он встал из-за стола, дошел до двери, обернулся:

– Я вернусь с новыми вопросами, и лучше бы вам... всем приготовить ответы, которыми я останусь доволен. Будет очень неприятно разрушить столь милый моему сердцу родственный круг. Скоро придет тот, кого я жду. А пока, чтобы вы не вздумали со страху сбежать, я нашел для вас надежную охрану. До скорой встречи, Анн.

Неспешной походкой колдун вышел за ворота. Плотно притворил за собой калитку. Ожидавшая его пятерка мортов зашевелилась.

– Охраняйте дом, – бросил некромант. – Следите за людьми. Никто не должен уйти. Если попытаются – верните. Но не калечить. Женщину даже пальцем не троньте. Она нужна мне целой.

Анн оказалась умна и отнюдь не робкого десятка. Сдисцу нравились такие. Врала, конечно, когда говорила, что не была в лесу. Ее выдал стук сердца. Но вот когда он упомянул о Даре, женщина и вправду ничего не понимала. Никаких намеков на ложь. Жаль, что он не умеет ощущать силу, пока ее не призывают.

Можно, конечно, и самому справиться. Снизойти до банальных пыток в крайнем случае. Но он боялся ошибиться. Если Анн умрет и с ней умрет ее способность, Вышестоящие его по голове не погладят. Так что придется просить помощи. Колдун не любил этого, но другого выбора не было. Приказ был предельно ясен – при нахождении людей, у которых может быть «искра», сообщать незамедлительно.

Концом посоха сдισεц начертил на прокаленном зном песке волнистую линию. Заключил ее в треугольник, произнес короткую формулу вызова. Из скудных теней соткался вестник, сердито зашипел, получил указания и растаял. Он знал, кого следует искать и что передать.

Оставалось ждать.

Глава 7

Га-нор оказался хорошим учителем. За последние дни Лук узнал о лесе больше, чем за всю жизнь. Северянин по мере сил и возможностей обучал спутника правилам следопытов. Опыт тот перенимал медленно, но успехи были налицо. Во всяком случае, солдат перестал ломиться через сухой кустарник и топтаться по влажной почве. Старался идти по краю тропинки, чтобы не повредить натянутые над ней паутинки, ступать след в след за сыном Ирбиса. Сопел значительно тише, говорил вполголоса, слушал лес и внимательно смотрел по сторонам. А, главное, – не путался под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.